Испанский дневник

Автор:
Михаил Кольцов

Испанский дневник

Михаил Ефимович Кольцов

Монограмма

«Экспедиция занимает большой старинный особняк. В комнатах грязновато. На стильных комодах, на нетопленых каминах громоздятся большие, металлические, похожие на консервные, банки с кровью. Здесь ее собирают от доноров и распределяют по больницам, по фронтовым лазаретам». Так описывает ситуацию гражданской войны в Испании знаменитый советский журналист Михаил Кольцов, брат не менее известного в последующие годы карикатуриста Бор. Ефимова. Это была страшная катастрофа, последствия которой Испания переживала еще многие десятилетия. История автора тоже была трагической. После возвращения с той далекой и такой близкой войны он был репрессирован и казнен, но его непридуманная правда об увиденном навсегда осталась в сердцах наших людей.

Михаил Кольцов

Испанский дневник

© Грифон М, 2005

© В. Голубев, оформление, 2005

Книга первая

3 августа 1936 года

Демонстранты шли веселые, по-летнему нарядные, почти все в белом. Шесть стройных, загорелых девушек пришли в коротких спортивных туниках – видно, прямо со стадиона. Они держались за руки и кричали по слогам: «Фран-ко, до-лой! Фран-ко до-лой!»

Митинг на Красной площади начался в пять часов пополудни. Жара и страшная теснота. Я опоздал, да так и не мог пробраться поближе к трибуне, но было отлично слышно через усилители. Оратор призывал народы Советского Союза оказать материальную помощь бойцам Испании. Но уже до этого призыва несколько дней на многих заводах начались сборы для Испании.

Заканчивая, оратор сказал:

– Трудящиеся Советского Союза, миллионы рабочих, объединенные в профессиональные союзы, создавшие социалистическое общество, выражают свою братскую солидарность с испанским народом, героически защищающим демократические завоевания от озверелых банд фашизма.

Демонстрацию не подготовляли, только сегодня утром ее решили провести. И за несколько часов – сколько успели сделать плакатов, надписей, огромных карикатур на испанских мятежников! Франко изображен с длинной седой бородой и в русской генеральской форме. Рядом с ним несут попов-иезуитов и итальянского фашиста, у которого пасть открывается и защелкивается. Слушателей волнует упоминание о германских и итальянских самолетах и пушках, посылаемых мятежникам. Рабочие с шоколадной фабрики рядом со мной толковали: не начало ли это войны, мировой? Работница Быстрова сказала с трибуны:

– Наши сердца с теми, кто сейчас кладет свои жизни в горах и на улицах Испании, защищая свободу своего народа. Мы шлем наше слово братской

солидарности, наш пролетарский привет испанским рабочим и работницам, испанским женам и матерям, всему испанскому народу. Мы заявляем: помните, вы не одиноки, мы с вами.

После митинга все полтораста тысяч человек двинулись пить прохладительное. На два километра кругом были захлестнуты все кафе, киоски с водой и мороженым. Даже на Пушкинской площади надо было долго дожидаться бутылки лимонада.

В эти дни все начинают читать газеты с испанских событий. Но по телеграммам ничего не понятно. Из Лондона ТАСС передает о занятии правительственными войсками какого-то Састаго на севере страны. У Севильи рабочие взорвали мост. В центре Гибралтарского пролива стоит большое итальянское судно, якобы занятое исправлением кабеля. Что за селение Састаго, важно ли оно? Кто хозяин в Севилье, фашисты или рабочие? Мятежники в пятидесяти километрах от Мадрида, а где правительство республики?

5 августа

На заводе имени Сталина слесарь Клевечко сказал:

– В годы гражданской войны, когда мы, русские пролетарии, отражали натиск белогвардейцев и интервентов, нам помогали пролетарии Запада. Наш священный долг – помочь теперь морально и материально испанским братьям, героически отстаивающим свою свободу. Я предлагаю отчислить в пользу испанского народа полпроцента от месячного заработка и послать пламенный привет тем, кто сейчас с оружием в руках борется с фашистами.

За шесть дней рабочие сборы в помощь испанским борцам за республику дали сумму в 12 миллионов 145 тысяч рублей. От имени ВЦСПС Шверник перевел эту сумму во франках, то есть 36 миллионов 435 тысяч франков, на имя премьер-министра Испании Хирайя, в распоряжение испанского правительства.

6 августа

На аэродроме, на Ленинградском шоссе, рано утром косили высокую траву, она уже начала желтеть от зноя.

Облачная, но сухая погода. У Ржева чудесные колхозные льны боролись со зноем. В Великих Луках в белом домике аэродрома дали теплого парного молока, тяжелого желтого масла и ржаной хлеб с золотистой коркой. У самолета нарвал полевых цветов. Они хотели пить. Почти над самой границей нас нагнала гроза, сизый занавес туч, косая сетка щедрого долгожданного дождя.

8 августа

Самолет коснулся земли, чуть подпрыгнул и покатился по зеленому кочковатому лугу. Навстречу бежали и приветственно размахивали руками люди. Тяжелый, густой зной опалил глаза, стиснул горло.

Здесь на поле соседствуют и фактически смешались военная авиация с гражданской, испанская с иностранной. Прямо от самолета повели в павильон начальника военно-воздушных сил Каталонии. В изящном павильоне тесно, толчея, на широких диванах отдыхают летчики, на столах навалены карты, фотоаппараты, оружие; ординарец беспрерывно обносит всех напитками и кофе. Прямо против двери начальника, полковника Сандино, поставлена стойка импровизированного бара, перед ней на высоких табуретах, со стаканами в руках, галдят пилоты и механики.

Сам полковник Фелипе Сандино, каталонский военный министр и начальник авиации, небольшого роста седоватый человек в синей блузе с закатанными рукавами, в кабинете не сидит, а бродит, довольно оторопело, по всему павильону, заговаривает то с одной, то с другой группой людей, пробует сосредоточиться, вникнуть в карту, которую ему подносят, но его сейчас же отвлекают другим разговором, он переходит к другому человеку. Мы условились поговорить завтра.

Машина помчалась из Прата, где аэродром, за десять километров, в Барселону. <…> Все чаще баррикады на шоссе – из мешков с хлопком, из камней, песка. На

баррикадах красные и черно-красные знамена, вокруг них вооруженные люди в больших островерхих соломенных шляпах, в беретах, в головных платках, одетые кто как или полуголые. Одни подбегают к шоферу, спрашивают документы, другие просто приветствуют и машут винтовками. На некоторых баррикадах едят – женщины принесли обед, тарелки расставлены на камнях, детишки в промежутке между ложками супа ползают по бойницам, играют патронами и штыками.

И чем ближе к городу, с первыми улицами предместий, мы вступаем в поток раскаленной человеческой лавы, неслыханного кипения огромного города, переживающего дни высшего подъема, счастья и безумства.

Была ли она когда-нибудь такой, как сейчас, празднующая свою победу неистовая Барселона? Испанский Нью-Йорк, самая нарядная красавица Средиземного моря, ее ослепительные пальмовые бульвары, ее гигантские проспекты и набережные, фантастические виллы, возобновившие роскошь византийских и турецких дворцов над Босфором. Нескончаемые заводские кварталы, огромные корпуса судостроительных верфей, механических, литейных, электрических, автомобильных цехов, текстильные, обувные, швейные фабрики, типографии, трамвайные депо, исполинские гаражи. Банковские небоскребы, театры, кабаре, увеселительные парки. Страшные, черные уголовные трущобы, зловещий «китайский квартал» – тесные каменные щели в самом центре города, более грязные и опасные, чем портовые клоаки Марселя и Стамбула. Все сейчас наводнено, запружено, поглощено густой, возбужденной людской массой, все всколыхнуто, выплеснуто наружу, доведено до высшей точки напряжения и кипения. Заражаясь все больше этим настоянным в воздухе волнением, слыша, как тяжело колотится собственное сердце, с трудом продвигаясь в сплошной толчее, среди молодежи с винтовками, женщин с цветами в волосах и обнаженными саблями в руках, стариков с революционными лентами через плечо, среди портретов Бакунина, Ленина и Жореса, среди песен, оркестров и воплей газетчиков, мимо свалки со стрельбой у входа в кино, мимо уличных митингов и торжественного шествия рабочей милиции, мимо обугленных развалин церквей, пестрых плакатов, в смешанном свете неоновых реклам, огромной луны и автомобильных фар, временами сшибая публику в кафе, столики которых, заняв всю ширину тротуара, добрались до мостовой, я наконец подошел к отелю «Ориенте» на Рамблас де лос Флорес.

В вестибюле, рядом с портье в расшитом золотом сюртуке, дежурит вооруженный отряд. Это охрана профсоюза, который реквизировал отель. Впрочем, она никого не контролирует, только всех приветствует поднятым кулаком. Много свободных номеров, портье объяснил, что иностранцы и приезжие в большинстве покидают Барселону. Ужин был подан с церемониями богатых отелей, но за соседним столом непринужденно шумела компания рабочих парней. Многочисленная английская семья – отец в крахмальной манишке, мамаша с бриллиантами и три дочки с одинаковыми выпяченными челюстями в немом ужасе наблюдали, как ребята перебрасывались хлебными шариками. Огромный француз, кинооператор, быстро напивался, лицо его посинело. В углу, за столиком прямо, один, сидел старик с блуждающей вежливой улыбкой. Он заказал себе к ужину каталонское виши и смотрел на свет, как с поверхности воды убегают пузырьки газа. В конце ужина он с той же улыбкой подошел ко мне и наклонил причесанную белую голову с аккуратным пробором посредине.

– Хулио Хименес Орге. А по-русски – Владимир Константинович Глиноедский. Ведь я еще не имел чести вам представиться.

Комната балконом выходит на Рамблас. Это все равно что жить на улице. Сделав заметки, я лег, потушил свет. В широкой раме огромных раскрытых дверей, в ожидании утренней свежести, фосфоресцируя, плавилась революционная человеческая стихия. Толпа не уходила, она оставалась на улице круглые сутки, слушала громкоговорители и спорила. Время от времени пели хором под аккордеон – или стреляли. В третьем часу шло еще какое-то шествие с оркестром, но уже не было сил подняться, даже шевельнуть рукой или ногой.

9 августа

Беспрерывно движется по улицам густой поток автомобилей. Это сборище машин всех марок, большей частью новые, дорогие, роскошные машины. Они все исписаны белой масляной краской, огромными кривыми буквами по кузову и по крыше: названия разных организаций и партий или просто лозунги. Краска тяжелая, крепкая, несмываемая, – исписанную так машину ее бывший владелец не может без полной перекраски вернуть в частное свое пользование. В машинах выбиты и прострелены стекла, текут радиаторы, сорваны подножки;

некоторые украшены цветами, бусами, лентами, куклами. В машинах ездят все, возят всё; они скопляются на перекрестках, на площадях, сшибаются друг с другом, ездят по левой стороне, – это озорной праздник вырвавшихся на свободу автомобилей.

Все большие здания заняты, реквизированы партийными организациями и профсоюзами. Анархисты взяли отель «Риц». Другой громадный отель, «Колумб», занят Объединенной Социалистической партией. В десяти этажах «Колумба» Ноев ковчег комитетов, бюро, сборных пунктов, комиссий и делегаций. Сильно напоминает украинский Наркомвоен 1919 года. По лестницам тащат тюки газет, связки оружия, арестованных, корзины винограда, бутыли с оливковым маслом. Между взрослыми бегают и играют в пятнашки дети, – их оставляют на день родители, несущие караульную службу в милиции. Здесь работают и спят. Кроме каталонцев и испанцев, много иностранных лиц и голосов. Немец приводит в порядок склад оружия; американки устроили санитарную службу; венгры сразу занялись любимым делом – создали пресс-бюро, стучат на восковках и крутят на ротаторе информационный бюллетень на пяти языках; итальянцы смешиваются с испанской толпой, но чувствуют себя старшими.

Рабочие приводят в отель «Колумб» захваченных фашистов. Им объясняют, что этим должна заниматься республиканская полиция. Но они этого не понимают и уходят, оставив пленников, их бумаги, их золото, бриллианты и пистолеты. «Сегуридад» (управление безопасности) не торопится принимать арестованных – так при комитетах всех партий образовались маленькие кустарные полиции и тюрьмы.

Во втором этаже «Колумба» военный отдел. Здесь формируют рабочие отряды для взятия Сарагосы. Записывается много молодежи, но есть и старики. Уже отправлено пять тысяч человек. Не хватает винтовок, – а город ими наводнен. На бульварах все гуляют с винтовками. За столиками кафе сидят с винтовками. Женщины с винтовками. С оружием едят, спят, с ним ходят смотреть кинокартины, хотя уже есть специальный декрет правительства – оставлять винтовки в гардеробе под номерок. Рабочие получили в руки оружие – они не так легко отдадут его.

По улицам проходят похоронные процессии. Мертвецов привозят с фронта или откапывают под развалинами домов, где шли бои. Павших бойцов несут в гробах не горизонтально, а вертикально, и мертвые, как бы стоя, призывают живых

продолжать борьбу. Вслед за похоронами несут растянутые одеяла и простыни – публика щедро швыряет в них серебро и медь для помощи семьям убитых.

Но, несмотря на оружие и ежечасные беспорядочные стычки и перестрелки, в городе нет озлобления. Атмосфера скорее взвинченно-радостная, лихорадочно-восторженная. Еще длится столь неожиданный и столь заслуженный триумф уличных боев народа с реакционной военщиной. Безумство храбрых, дерзость рабочей молодежи, пошедшей с карманными ножами на пушки и пулеметы и победившей, гордость своей пролитой кровью наполняют огромный пролетарский город упоением и уверенностью. Всё преклоняется перед человеком в блузе, с винтовкой, всё льстит ему. В кафе и кабачках отказываются брать с него деньги. Лучшие артисты поют для него на бульварах, тореадоры обнимаются с ним на перекрестках, элегантные звезды кабаре и кино дразнят его прославленными своими ногами, они не жалеют цветных каблуков в танцах на асфальтовой мостовой, они серебристо смеются соленым остротам портовых грузчиков.

В два часа я завтракал у полковника Сандино в его павильоне в Прате. За столом шумно, говорят по-испански и по-французски. Сандино сказал, что пока все идет отлично. Сегодня республиканцы взяли остров Ибицу. Теперь Майорка зажата с двух сторон – с Ибицы и с Минорки. Валенсийцы собрали, за свой счет и своими людьми, экспедицию для занятия Майорки. Там держится около тысячи человек мятежников. Под Сарагосой республиканцы ждут подкреплений. Как только отряды из Барселоны подойдут, можно будет штурмовать город. Этим арагонский фронт будет ликвидирован. Впрочем, неправильно называть его фронтом. Никаких сомкнутых фронтов здесь, в Испании, пока нет. Есть отдельные разобщенные города, в которых держатся либо правительственная власть и комитеты Народного фронта, либо восставшие офицеры. Сплошной линии фронта между ними нет. Даже телефонная и телеграфная связь кое-где работает по инерции.

Подробно говорить не довелось – все время прорывали, подымали тосты и ссорились. Я только спросил Сандино, есть ли единоначалие и кому подчинены все военные силы. Он ответил, что единоначалие уже есть, что в Каталонии все вооруженные силы подчинены ему, Сандино, а об общих вопросах он договаривается с Мадридом.

Здесь же был Мигель Мартинес, мексиканский коммунист, прибывший, как и я, вчера в Барселону. Он никогда не жил в Испании, сейчас прибыл помогать и

отдать здешней партии свой опыт мексиканской гражданской войны.

Вот как Мигель Мартинес перебрался сюда из Франции.

Документы его были не в порядке, надо было долго ждать визы и рейсового самолета. Он попросил помощи у Андре. Тот принял его вечером у себя, вблизи бульвара Сен-Жермен. Тесная писательская квартирка была полна народу. Во всех трех комнатах дожидались и группами шепотом беседовали люди. Андре увел Мигеля на кухню, там еще было свободно.

– Вы можете через час уехать в Х…?

– Могу.

– Будьте там завтра в одиннадцать утра, за столиком кафе «Мирабо». Это большое кафе, его вам всякий укажет. К вам подойдут.

Мигель поехал. Поутру он был в Х… С ручным чемоданчиком отправился с вокзала в кафе. Ждать пришлось долго, – стало казаться, что поездка сделана зря. Во втором часу дня у столика вдруг появился сам Андре. Он не извинился.

– Вы хорошо доехали? Выпьем перно. О морали французской технической интеллигенции второй четверти нашего века надо будет написать особо. В конце концов, два из пяти – это сорок процентов. Если сорок процентов пилотов будут драться против французского фашизма, то будут драться и семьдесят. Вопрос только в том, действительно ли эти сорок процентов суть сорок, а не двадцать и не нуль.

– Меня тошнит от перно, – сказал Мигель, – я буду пить вермут. Что случилось? Я не лечу?

– Пять пилотов должны были сегодня перегнать в Барселону семь машин. Они были мне рекомендованы, они получили деньги. Трое подошли ко мне два часа назад на аэродроме и сказали, что не будут перегонять машины. Они были даже остроумны: сказали, что получение денег для них было само по себе таким сильным ощущением, что они не хотят более сильных. Французы в таких случаях всегда остроумны. Эти были особенно остроумны, потому что знали, что я не

могу заявить в полицию. Они даже спросили, не намерен ли я заявить в полицию. Это было наименее остроумным, но им показалось наиболее остроумным.

– Могло быть хуже, – сказал Мигель. – Для сволочей они еще очень приличные люди. Они могли взять деньги, отвезти самолеты вместо Барселоны к Франко и там получить деньги еще раз.

– Вы философ. Но эта перспектива еще не исключена. Остаются два пилота. Они берутся перегнать сегодня до ночи три машины. Они могу сделать с машинами что им заблагорассудится. Впрочем, эти двое как будто приличные ребята. Один даже не взял еще денег. Он даже не говорит о них. Во всяком случае, это комбинация не для вас, Мигель. Вам лучше потерять неделю, чем обнять Франко вместо Хосе Диаса. И более того, там могут расстрелять, не дав обняться даже с Франко.

– Неделя? Эго невозможно, – сказал Мигель. – За неделю в Испании все может кончиться. Я полечу. Я попробую полететь.

– Пробовать здесь нечего. Пробовать будет пилот. Это безрассудно, Мигель. Это совершенно безрассудно. Я обещал вам и не могу отказать, но чувствую, как это безрассудно. Мне это особенно ясно, потому что я полечу со вторым пилотом. Платите скорее за вермут, Молодчики из «Боевых крестов» знают о наших делах, да и те трое пилотов несомненно держат с ними связь. За мной следят с утра. Нельзя терять ни секунды.

На аэродроме в Х… все имело непринужденный и небрежный вид. Полицейский дремал с газетой в руках на скамеечке перед контрольно-пропускным пунктом. Механики ругались в баре. Рейсовые самолеты приземлялись и отлетали. Авиетка гуляла над полем. Андре беспечно разгуливал у ангаров, заговаривая с рабочими; Мигель издали следовал за ним. Чемоданчик стеснял и выдавал его, он хотел уже бросить его в уборной, но боялся потерять Андре. Так они подошли к большой двухмоторной машине, винты ее уже тихо вращались. Андре начал болтать с молодым парнем, лежавшим на траве, и вдруг, не выпуская сигареты изо рта, нервозно сказал Мигелю:

– Чего же вы ждете?

Мигель мгновенно забрался в кабину. Там было два человека. Девушка в белом резиновом плаще, загорелая, с букетом цветов, сидела на длинных цилиндрических бомбах. Старик с седой головой, с аккуратным пробором посередине примостился в переднем стеклянном «фонаре».

Парень встал с травы и, не прощаясь с Андре, влез на пилотское место. На нем не было ни шлема, ни шляпы, ни перчаток. Андре кликнул рабочего. Тот вынул колодки из-под колес. Сразу, крутым косым виражем, чуть не толкнув авиетку, машина пошла на высоту. Одно мгновение виден был Андре. Он стоял, расставив ноги, руки в карманах, с сигаретой в зубах, как дирижер мюзик-холла на генеральной репетиции.

Погода была ясная, жаркая, самолет болтало; люди в нем делали вид, что не замечают друг друга. Пилот со спины имел задумчивый, мечтающий вид. Мигель искал ориентиры. Местность была незнакомая, но хорошо памятная по географии. Он пробовал найти Рону, город-замок Каркассон, первые цепи Пиренеев, Перпиньян. Но гор не было.

Нескончаемо долго шли тучные французские поля, яркая зелень, расчерченная грифельной сеткой дорог. Прошло более часа, наконец подошли горы, машина поднялась на две тысячи метров, посвежело. Мигель окончательно потерял ориентировку. Перед пилотом не было никакой карты, вид у него был мало внушающий доверие.

В конце концов, если лететь на Барселону, море когда-нибудь да должно показаться, и непременно слева. А если лететь на Бургос, на Севилью? Море покажется справа. Может показаться, но не обязательно. Можно перелететь в Бургос над центром Пиренеев, не видя моря. Расчет можно делать только по времени. Мигель тихонько переложил пистолет из заднего кармана брюк в карман пиджака. Девушка не обратила внимания, старик неподвижно сидел, ногами над стеклом.

Мигель стоял теперь за спиной у пилота. Тот чуть-чуть оглянулся на него и продолжал почти дремать, кончики пальцев на штурвале. Тот ли это из двух, который не просил денег? Это было трудно понять по его плечам, по черным, блестящим, чуть лысеющим волосам, по синеве бритой молодой шеи, по маленькому уху. Полет длился уже два часа без семи минут. Море давно должно быть видно!

Мигель решил приставить пистолет к затылку пилота и одновременно сказать ему: «Налево!» Драки не будет, руки можно успеть схватить, да после пули в затылок руками много не наработаешь. Мигель сел бы тогда за штурвал, он немного умел вести самолет, только боялся грохнуть эту тяжелую машину на посадке, да еще с бомбами.

А что, если у парня нет худого на уме? У него такое детское розовое ухо и весь очерк лица юношеский, открытый. Два часа десять минут полета. Может быть, он просто плутал, ему могут быть самому незнакомы эти места.

Мигель спросил:

– Мы прибываем? – и постучал пальцем по браслету часов.

Пилот двинул плечам и ничего не ответил. Еще десять минут. Горы. Мигель дал себе восемь, нет, пусть еще десять минут. Они кончились. Старик смотрел вперед, не оглядываясь, девушка изучала свой белый плащ. Горы… Горячие пальцы в кармане прилипли к пистолету. Но почему-то он сначала положил левую руку пилоту на плечо. Тот никак не реагировал. И через целую вечность, а может быть, это было несколько секунд, сказал:

– Я сделал крюк через горы, здесь свежее. Андре просил менять каждый раз маршрут, чтобы не встречаться с рейсовыми самолетами. Среди них есть германские. Сейчас покажется Барселона…

Сейчас мы с ним пили. Вермут в баре военного аэродрома. Его зовут Абель Гидез. Он старше, чем кажется, – двадцать восемь лет. Это тот, который еще не разговаривал о деньгах. Вчера они вдвоем с другим пилотом успели вернуться в Х… и опять вернутся сегодня на двух машинах. Он военный летчик запаса, сейчас гражданский пилот, безработный. Интересны его глаза – детские, ясные и при этом выпукло-пристальные, как у птицы.

Самые выпуклые глаза – у Андре. Его огромные белки в сумерках почти освещают тонкое овальное лицо и придают ему оттенок бессонницы, неуспокоенности, ночного бдения. Странно было бы видеть Андре с закрытыми глазами; вообще, спящий – это не он.

Из гражданских воздушных линий работает пока только «Люфтганза». Огромный «Юнкерс» с фашистской свастикой на хвосте садится совсем рядом с управлением военной авиации. Пилоты и пассажиры разгуливают между испанскими военными летчиками, прислушиваются к разговорам, щелкают фотоаппаратами. Из самолета выгружают и в самолет кладут огромные ящики с надписью: «Германскому генеральному консульству в Барселоне». Этому никто не препятствует.

Сандино приказал своему адъютанту с золотыми шнурами отправить меня в город на машине. С этим получилась большая возня. На площадке стояло машин пятнадцать, шоферы сидели на земле кружком и пели. Никто из них не хотел ехать, хотя адъютант произнес большую речь о необходимости дисциплины в революционной войне. Он также подчеркнул важность поддержания авторитета полковника Сандино, главнокомандующего Каталонии, особенно когда приезжают иностранные товарищи. Все-таки никто не хотел ехать. Адъютант ругался и кричал, он весь покраснел от натуги. Ничего не помогало. Мы пошли обратно в павильон – за столом еще пили кофе с ликерами. Услышав, что шоферы не хотят ехать, Сандино грохнул чашкой о стол. Он вышел наружу, поговорил с шоферами, и наконец один из них согласился отвезти меня в город.

Под вечер я нашел руководителей Объединенной Социалистической партии Каталонии. Социалисты и коммунисты объединились в день фашистского мятежа. Других социалистических организаций в Барселоне нет. Руководство держится дружно, едино. Они работают круглые сутки в доме ЦК на Пассео де Гарсиа, менее шумном, чем отель «Колумб», но тоже переполненном людьми и милицией.

Они очень озабочены положением. Главная проблема сейчас – это взаимоотношения между партиями и организациями народного фронта. Особенно остро положение с анархистами. НКТ – Национальная конфедерация труда и ФАИ – Федерация анархистов Иберии впитали в себя огромную массу новых людей, частью отсталых рабочих, без революционных традиций, частью деклассированный люмпен-пролетариат и просто уголовные элементы из «китайского квартала». Все это сорвано со своих мест, вооружено, находится в непрерывном брожении и кипении, плохо подчиняется руководству, все готово вспыхнуть и взорваться новыми уличными боями при любой провокации, по любому поводу и без повода. Некоторые вожди анархистов пробуют, как могут, отделить лучшую, наиболее организованную часть анархистских рабочих, направить их в русло народного фронта и подлинной борьбы с фашизмом; им это

пока плохо удается. С другой стороны, они же, анархистские вожаки, боятся расправы с ними со стороны других партий, особенно боятся коммунистов. Объединение социалистов с коммунистами очень встревожило и насторожило ФАИ. Она создала много складов с оружием и готовится к вооруженной борьбе в городе. Руководитель барселонских анархистов Гарсиа Оливер сказал: «Я знаю, вы хотите устранить нас, как русские большевики устранили своих анархистов. Это вам не удастся». Поэтому, ведя в своих рядах агитацию за сотрудничество с правительством в борьбе с мятежниками, анархисты в то же время будоражат свои профсоюзы, готовят к новым уличным боям, ожесточают против коммунистов и социалистов. Социалисты и коммунисты всеми путями и способами стараются побороть эти дезорганизаторские настроения, дают доказательства своей полной лояльности и стремления к единству всех пролетарских сил. На днях представители социалистов специально вышли из состава каталонского правительства, чтобы не пользоваться политическими преимуществами перед анархистами. Взаимная настороженность очень ослабляет общую борьбу с мятежниками.

Провокационную и деморализующую роль играет ПОУМ – троцкистская организация. Она составилась, тотчас же после мятежа, из двух частей: из троцкистской группы Нина и организации Маурина – бухаринского толка правых отщепенцев, исключенных из Компартии. Сам Маурин застрял где-то на территории фашистов, руководство объединенными троцкисто-бухаринцами принял на себя Нин. Поумовцы имеют свою газету, юлят вокруг анархистов, натравливая их на коммунистических рабочих, требуют немедленной развернутой социальной революции в Испании, выступают с демагогией по адресу Советского Союза. В практических действиях они гораздо рассудительнее: захватили лучшие, самые аристократические отели Барселоны, контролируют самые дорогие рестораны и увеселительные заведения.

– Мы – испанская Украина, – сказал один каталонец, стараясь быть понятнее гостю. – От нашей судьбы зависит очень многое. Если провокаторы создадут террористическую ситуацию, неизбежна интервенция, и не только Италии и Германии. Надо напрячь все нервы, мобилизовать всю выдержку, чтобы предотвратить беспорядок в Барселоне.

Лишь поздно ночью я отправил первые телеграммы в «Правду». Здесь очень трудная цензура – трудная не по строгости, а по технике. Пришлось перевести весь текст с русского на французский язык и просить специального человека перевести с французского на каталонский.

Сообщение о том, что советские рабочие уже дали антифашистской Испании 36 миллионов франков, получилось здесь только сегодня. Его передали в вечерних газетах и по радио. Бессменно бодрствующая толпа бурно аплодировала у рупоров. Громкие возгласы: «Виска Русиа!» («Да здравствует Россия!»), пение «Интернационала» и анархистских песен.

10 августа

Утром ездили по рабочим кварталам в порт. Все та же обнаженная, дикая нищета, какую встретишь в Европе только на Балканах и здесь. Вся жизнь напоказ: половина – на тротуаре, остальное – через раскрытые окна и двери. Тучи ребятишек ползают по асфальту, играют мусором, дерутся и поют. Хозяйки готовят обед – оливки, бобы и похлебку из бобов на оливковом масле. Картофель дороже, едят его меньше. Мяса едят совсем мало, оно дорого. Вместо него бакалао – треска, привозная, сушеная, часто тухлая. Слишком много алкоголя, – это помимо вина, которое пьют много, все, вплоть до маленьких детей, пьют, как часть обеда; кроме вина, рабочие, толкаясь у стоек баров, рюмками поглощают ядовитые спиртовые смеси, скверно пахнущие аперитивы из бутылей с яркими, крикливыми этикетками. Вокруг баров много мочатся, все сливается в острую, тоскливую вонь. Ремесленники, мелкие кустари ютятся и работают вокруг огромных современных заводов; полуслепой дедушка зашивает грубой дратвой отвалившуюся подошву рабочему великолепной механизированной обувной фабрики. На примусах лудят старую, поломанную посуду. Торгуют самой изодранной, грязной, засаленной платяной ветошью – здесь, рядом с гигантскими комбинатами и магазинами дешевого готового платья, которым Барселона снабжает всю Испанию, отчасти Францию и даже Англию.

Но весенний ветер возбудил теперь эти печальные кварталы. Они взбудоражены, оживлены. На домах в окнах, почти над каждым входом – флаги либо с серпом и молотом, либо красно-черные анархистские, либо полосатые каталонские, либо официальные республиканские. Все заполнено плакатами, листовками, газетами, их читают, обсуждают. Девушки, усевшись вместе, хором разучивают по нотному листку революционные песни. В книжных лавчонках уйма новой литературы, много советских книг.

Колонна молодых рабочих отправляется на фронт. Она выходит из профсоюзного дома, с барабанщиками, по четыре в ряд, первые шестнадцать человек с винтовками, затем двое с пистолетами, а остальные просто размахивают руками в такт барабану. Матери, невесты и маленькие братья провожают их, шагают вместе, в рядах, обняв за шею. Один парень взял на руки маленькую, седую, сухонькую мать и несет ее, покраснев от напряжения, смущенно улыбаясь.

Военные новости хороши, но неопределенны. Валенсийская экспедиция отправилась на военном корабле «Альмиранте Миранда», имея на борту будто бы семь гидросамолетов и тысячу двести дружинников. Крейсер направляется к острову Минорке. Одновременно высажен десант на Ибице, которая накануне перешла в руки правительственных сил. Штурм Сарагосы предполагается через один-два дня.

Я прилетел сюда гол как сокол, а сегодня у меня уже есть маленькое хозяйство. Вальдес дал мне переводчицу на французский, Марину Хинеста, каталонскую комсомолку с огромной старинной винтовкой, которую она не выпускает из рук ни на миг. У меня есть автомобиль – длинный открытый «Шевроле» с помятыми крыльями, исписанный лозунгами и инициалами неведомых мне организаций. От охраны и от шофера я отказался – пусть их лучше используют в отряде. Бензин можно получить пока повсюду – по талонам, либо за деньги, либо, если очень попросить, то и совсем даром. У меня еще есть дорожная пишущая машинка и фотоаппарат «ФЭД», – можно сказать, целое отделение «Правды»!

В полдень я посетил Гарсиа Оливера. Ему сейчас подчинены все каталонские милиционные части. Штаб в здании морского музея. Прекрасное здание, широкие галереи и залы, стеклянные потолки, художественно исполненные огромные модели старинных кораблей, множество народу, оружие, ящики с патронами.

Сам Оливер – в богатом кабинете, среди ковров, статуй; тотчас же предложил огромную «гавану», коньяку. Смугл, красив, со шрамом на лице, кинематографичен, хмур, огромный парабеллум за поясом. Сначала молчал и показался молчаливым, но вдруг прорвался огромным страстным монологом, изобличавшим оратора, опытного, знойного, ловкого. Долгие восхваления храбрости именно анархистских рабочих; уверяет, что именно они спасли положение в уличных боях в Барселоне. Что именно они сейчас составляют авангард антифашистской милиции. Анархисты отдали и готовы дальше

отдавать жизнь революции. Больше, чем жизнь, – они готовы даже сотрудничать с буржуазным антифашистским правительством. Ему, Оливеру, трудно убеждать в этом анархистскую массу, но и он, и его товарищи делают всё, чтобы дисциплинировать её, поставить под руководство всего Народного фронта, и это удается. Ведь его, Оливера, уже обвиняли на митингах в соглашательстве и в измене анархистским принципам. Пусть коммунисты учтут все это и не слишком натягивают струну. Коммунисты чересчур прибирают к рукам власть. Если так будет продолжаться дальше, НКТ и ФАИ не отвечают за последствия. Потом он начинает нервно, что-то чересчур уж нервно, опровергать. Неправда, что анархисты попрятали много оружия. Неправда, что анархисты только за милицию и против регулярной армии. Неправда, что анархисты работают вместе с ПОУМ. Неправда, что анархистские группы грабят магазины и квартиры; может быть, это просто уголовники используют красно-черное знамя. Неправда, что анархисты против Народного фронта; их лояльность доказана и словами, и делами. Неправда, что анархисты против Советского Союза. Они уважают и любят русских рабочих, они не сомневались в том, что русские рабочие придут на помощь Испании. А если нужно, то анархисты помогут Советскому Союзу. Пусть Советский Союз в своих расчетах не пренебрегает такой силой, как испанские анархистские рабочие. Неправда, что в других странах нет анархистского движения, но, конечно, центр его в Испании. Почему в России пренебрегают Бакуниным? Испания отдает Бакунину долг и за себя, и за Россию. Неправда, что анархисты не признают Маркса… Советует поговорить с его другом Дурутти, хотя Дурутти на фронте. Он стоит у ворот Сарагосы. Думаю ли я поехать на фронт?

Да, я думаю поехать на фронт. Завтра, если получу пропуск. Не может ли Оливер дать мне пропуск? Да, Оливер охотно соглашается дать мне пропуск. Он говорит адъютанту, и тот здесь же пишет на машинке бумагу, и Оливер подписывает. Он жмет руку и просит, чтобы русские рабочие получали правильную информацию об испанских анархистах. Неправда, что анархисты вчера разграбили винные склады «Педро Домек» Возможно, что какая-нибудь мразь это сделала, прикрывшись званием членов ФАИ. Неправда, что анархисты отказываются войти в правительство!..

После обеда за мной заехал Сандино и повез во дворец, к главе правительства. Стража у ступеней подъезда взяла на караул. Внутри тихо и пусто, бродят лакеи в ливрейных сюртуках. Секретарь просит обождать – сеньор Касановас принимает французскую делегацию. Тикают громадные мраморные часы. Мы все молчим. Странные звуки нарушают эту тишину. Похоже немного на звериный рев. Сначала один, потом несколько, потом много страшных ревущих звуков,

словно много зверей пробуют голос. Что еще могло здесь случиться?! Я сгораю от любопытства. Надо тотчас же выбежать на улицу. Секретарь и Сандино не трогаются с места. Секретарь, наверно, трус. А полковник Фелипе Сандино?! Ладно, я буду спокойно сидеть. Секретарь вежливо улыбается. Я говорю:

– Потешные звуки…

– О да! Это, кажется, лев.

– Почему лев?

– Это, наверно, лев, хотя там есть и тигры.

– Где там?

– В зоологическом саду.

– Здесь разве зоологический сад? Рядом с дворцом?

– Да, совсем рядом. Мы почти соседи. У нас на Западе в так называемых зоологических садах имеются различные звери. Например, львы, леопарды, крокодилы, змеи, слоны.

При слове «слоны» я не могу больше удержаться. В это время открывается дверь кабинета, сеньор Касановас провожает французскую делегацию. Он и все начинают тоже смеяться, не зная причины. На всех находит хорошее настроение. Среди делегатов я узнаю Леона Жуо.

Сеньор Касановас крайне любезен. Он подробно разъяснил мне принципы автономии Каталонии и координации ее правительства с центральным правительством в Мадриде. Трениям между партиями в Барселоне не следует придавать чрезмерного значения. Президент Каталонии сеньор Компапис и он, Касановас, приложат все усилия и обеспечат единство вокруг правительства. В отношении быстрой ликвидации мятежа – он совершенно в ней убежден. Но это будет не сразу. Недели? Да, если хотите, недели. Во всяком случае, не дни. Декретом каталонского правительства учреждена комиссия промышленности и обороны, в полное ведение которой переданы все крупнейшие

металлургические и машиностроительные заводы, в том числе автомобильный завод «Испано-Суиса», резиновые, электротехнические, химические и некоторые текстильные предприятия. Заводским комитетам предоставляется право с пятнадцатого августа вступить в полное управление производством на предприятиях, принадлежащих участникам фашистского мятежа.

– Мы бросаем сейчас все силы на взятие Сарагосы, которая является одним из трех очагов фашистского мятежа. Взятие Сарагосы, где сосредоточены крупные военные части, танки, орудия и авиация, требует значительных усилий. Но оно развяжет нам руки для других военных действий. Мы продолжаем создавать новые отряды рабочей милиции, которые впоследствии превратятся в регулярные части народной армии. Одновременно каталонское правительство принимает все меры для организации нормальной жизни в столице и во всем нашем крае.

Касановас распрощался и ушел с Сандино на заседание. Я вернулся пешком, разыскал свой «Шевроле» и вместо ужина в отеле поехал искать харчевню. Подальше от Рамблас на каждом перекрестке проверяют машины. Женщин высаживают, если у них нет служебных документов. Это потому, что на реквизированных машинах очень много катают девушек. Меня, ехавшего порожняком, заставили несколько раз подвозить – больного в лечебницу, какие-то мешки с посудой и полицейских. Я не обязан этого делать, но было интересно. Удивлялись, что не знаю улиц, и показывали дорогу. Во многих местах города перестрелка. При этом публика не разбегается, а, наоборот, торчит на мостовой, соображая, откуда стреляют. Большей частью стреляют из угловых помещений верхних этажей.

Ужинал в таверне позади Параллело. Дали зеленых соленых маслин, каракатицу в собственном чернильном соку, баранину с луком, сыр и хорошее простое вино из бочки. Хозяин с хозяйкой сидели на табуретах перед входом; подавала дочка; кругом было совсем спокойно, как будто ничего и не случилось.

11 августа

Поздно, после завтрака, мы выехали из Барселоны на запад по отличному асфальтовому шоссе. Миновали много баррикад в предместьях и в окрестностях,

много патрулей, большей частью анархистских, разодетых в романтические отрепья, шумливых, частью навеселе. Они контролируют проезжающих по-разному: одни придирчиво и недоброжелательно, другие с картинной любезностью, с улыбками и приветственными возгласами. Но и тех, и других мало заботит эффективная сторона контроля, им просто любопытно, кто ездит в машинах, что за люди, поболтать с ними или подразниться. Большинство патрулей никем не уполномочены; среди них, наверно, есть и враги, и шпионы.

Дальше от Барселоны патрули редеют и меняют свой характер. Теперь это стража при въезде и выезде из деревень – крестьяне, молодые и пожилые, каталонские и арагонские крестьяне в черных блузах и черных беретах, в полотняных туфлях на босу ногу, крепкие, плечистые люди с коричневыми от вечного солнца лицами, со старинными охотничьими ружьями в руках. Они спокойно и с достоинством приказывают машине остановиться, а путникам предъявить бумаги:

– Документос!

Им вываливают пухлые пачки мандатов и удостоверений, но в документах они разбираются не очень хорошо и возвращают их со скромной, иногда смущенной улыбкой. Они охотно указывают дорогу и вообще очень доброжелательны, очень вежливы. Называют всех по-прежнему «сеньор», но на прощание подымают кулак по-ротфронтовски.

Рядом с патрулем часто стоят женщины с кувшинами на плечах. Они гостеприимно, трогательно угощают, на выбор:

– Агуа? Вино? (Вода? Вино?)

Хулио Хименес Орге, – он же Владимир Константинович Глиноедский, – попросился поехать со мной на Арагон. Он вежлив и сентиментален. Гражданская в России застала его подполковником артиллерии. Он ведал у белых артиллерийскими складами, потом эвакуировался из Новороссийска, потом был регентом церковного хора в Париже, потом десять лет рабочим у Рено, вступил в «Союз возвращения на родину», затем во французскую Компартию. Он приехал в Испанию помогать, как он выражается, «новым красным».

Накануне я послал его за дорожными картами, он аккуратно обошел все барселонские магазины и принес целый набор. В машине он сидит чинно, прямо и вытирается платочком. Его волнует неумелое и небрежное отношение патрулей к своему оружию. Часто он выскакивает на шоссе, берет у бойцов из рук винтовки и показывает, как надо держать. Они воспринимают это с благоговением и долго, знаками, восторженно благодарят. Ест и пьет мало из-за болезни желудка, но, выпив, рассказывает, очень чувствительно, о России и о Франции. Дорога очень оживлена, мчатся на сумасшедших скоростях грузовики, автобусы, лимузины, с бойцами, с провиантом и со штатской публикой. На откосах каждые пятнадцать-двадцать километров валяются разбитые машины – жертвы столкновений и просто неумелой стремительной езды. В первые дни после мятежа в барселонские гаражи ринулась толпа автомобильных любителей; все объявили себя шоферами, а шофером в Испании считается только тот, кто ездит не менее чем со скоростью сто километров в час.

К закату солнца приехали в Лериду – красивый, кокетливый город на Эбро, с мостами, живописными арками, оживленной толпой. Здесь крупный текстильный центр, шелковые фабрики. Несмотря на близость к фронту, спокойно, и военных видно меньше, чем в Барселоне. Пили кофе и оранжад. Заправившись бензином, оранжадом и кофе, двинулись дальше, по шоссе на Уэску. Каталонские многоцветные краски сменились однообразной раскаленной песчаной равниной, сухостью, пылью, пустынным безлюдьем. Вечером прибыли в Барбастро – старый городок с узкими улицами и маленькой, тесной площадью. В доме епископа расположился штаб полковника Виллальба. Под каменными сводами портала XVI века солдаты, еще в королевской форме, играли в карты. Через галерею, освещенную луной, я прошел в покои епископа, ныне штаб-квартиру фронта Сарагоса – Уэска. Над столом с военными картами нависло огромное распятие из слоновой кости. Полковник поднялся навстречу, худ, суров, застенчив. Он и его помощник, капитан Медрано, артиллерист, – в числе немногих офицеров на Арагоне из Каталонии остались верны правительству. Виллальба удержал при себе весь свой кадровый полк.

Позиции фашистов имеют на своем левом фланге отроги Пиренейских гор, а на правом – город Теруэль. Почти посередине фронт пересекается рекой Эбро. Правительственные части ставят себе задачей отрезать фашистов от Пиренеев, прорвать фронт между Сарагосой и Уэской и, наконец, взять оба города, которые прикрывают провинцию Наварра – самый реакционный центр мятежа. Одновременно внизу, на юге, колонна, сформированная в Валенсии, подходит к Теруэлю, чтобы, взяв его, ударить по правому флангу фашистов.

Борьба затруднена сильно пересеченной местностью, частью переходящей в горный рельеф. Из артиллерии с обеих сторон действуют скорострельные пушки «Виккерс» калибра сто пять миллиметров, горные орудия типа «Шнейдер», испанского производства, и французские 75-миллиметровые. У мятежников есть несколько крепостных орудий и танки. У правительственных войск есть бронепоезд. Пехота с обеих сторон вооружена винтовками «Маузер» и отчасти ручными гранатами. Есть отдельные минно-подрывные команды. Есть несколько легких разведывательных самолетов. Средства связи и управления ничтожны. Бои ведутся за обладание отдельными естественными рубежами, высотами и населенными пунктами. Саперных полевых работ не производится, окопов нет.

– Это все. Остальное вы увидите сами.

Полковник положил на карту аккуратно отточенный красный карандаш.

Пожав руку, он остался стоять посреди огромной комнаты, хмурый, длиннолицый испанец.

Мы спали в прохладных каменных покоях епископского дома; серебряная луна лилась в окна; солдаты под арками спорили и пели.

12 августа

В Ангиесе стоят крестьянские отряды, батальон полка Виллальба и штаб артиллерии. Капитан Медрано, румяный, толстый весельчак, ранен в ногу, она у него забинтована; ходит с палкой, переваливаясь. Орудия стоят почему-то здесь, в пятнадцати километрах от противника, в крестьянских дворах, под чехлами. Их показывают с гордостью, простодушно объясняют, что орудия пока не стреляли, потому что к ним нет снарядов.

Выдвинулись еще вперед. На пятнадцатом километре впереди Ангиеса часовой сказал, что дальше нельзя, здесь стреляют, дальше противник.

Здесь же, в домике шоссейных рабочих, стоит рота из полка Виллальба. Местный капитан, пожилой и толстый, остался очень недоволен нашим желанием пройти

по передней линии. Он предложил вместо этого пообедать. Обед будет чудесный – баранина уже жарится на угольях, вино изумительное, фруктов таких нигде не сыскать.

– Кто ваш противник?

– Мятежники.

– Конкретно кто, какие силы? Сколько орудий, пулеметов? Есть ли кавалерия?

Капитан пожал плечами. Противник потому и называется противником, неприятелем, энемиго, что не сообщает о своем расположении, о своих силах. Иначе он был бы не неприятель, не энемиго, а приятель, амиго! Все кругом засмеялись познаниям и остроумию капитана.

– А разведки вы не делали?

Нет, капитан не делал разведки. Хотя один солдат ходил охотиться на диких кроликов и говорит, что слева у мятежников есть пулеметы, они в него стреляли. Если сеньору хочется, парня можно расспросить поподробнее; капитан сам давно собирался это сделать. Стали искать парня, но он, оказывается, уехал в Лериду, у него заболела сестра. Тем временем дело все-таки подходит к обеду. Обед в самом деле отличный. Сидят по-демократически, все вместе, все чинно прислушиваются к любезной беседе, которую переводит Марина, капитан хвалит Красною Армию, а я хвалю испанскую. Капитан объясняет, чти он уже тридцать лет на военной службе, что он всегда был и всегда будет предан правительству. Он не может понять, как так люди могли выступить против правительства. Мало ли, что правительство им не нравится – это еще не резон против него восставать. Правительство есть правительство… Горы ароматной баранины постепенно тают. Меня учат пить из поррона – глиняной посудины с одним коротким и одним длинным носом, – направляя струю вина прямо в раскрытый рот; всех смешит мое неумение. Они поражены, узнав, что в России нет порронов и что там умеют пить только из стаканов.

После обеда капитан исчез – солдаты показали жестами, что он отправился на боковую. Они, видимо, очень довольны таким отцом-командиром; через Марину объяснили, что он хороший человек.

Мы с Хименесом вышли за сторожевое охранение и поползли вперед. Солдаты не удерживали нас. Метров через сто надоело ползти – пошли на корточках, потом в рост. Кругом тишина, безлюдье, ветер. Так прошли около трех километров, натолкнулись на телегу без лошадей, больше ничего, тихо. Хименес рассмотрел в мой бинокль холмы кругом – еще на два-три километра никаких огневых позиций. Может быть, противник за этой грядой, а может быть, и дальше. Вернулись, стали втолковывать охранению, что противника нет по меньшей мере километра на четыре. Они подтвердили. Марине солдаты тоже сказали, что знают, что противник далеко, но что наступать на него нельзя, потому что на то нет ордера (приказа) из центра.

Мы направились севернее, к деревне Сиетамо, накануне захваченной у фашистов в шестой раз. Деревня чернела старыми каменными домами в седловине гор.

Уже в темноте мы поднялись на седловину. В Сиетамо стоит хорошо вооруженный рабочий отряд. Люди пришли из Барселоны, они участники июльских боев, обстрелянные, спокойные ребята. Командир колонны Сантос, каменщик, работал еще недавно на юге Франции. При нем есть советник, молоденький лейтенант. Военных специалистов здесь называют «текнико». Мне показали двух убитых в утренней перестрелке. Одному пуля вошла в голову, над ухом, другому – в крестец. Оба похожие друг на друга, небольшого роста, худенькие парни, почти мальчики. У одного в руке сжат белый платок. Это первые мертвецы, которых я увидел в испанской гражданской войне.

Завтра утром колонна хочет занять две высоты, господствующие со стороны мятежников над Сиетамо. Мы с Хименесом легли спать в древнем крестьянском доме, на каменных скамьях, на кожаных тюфяках. Из пустой бочки кисло и дурманяще пахло вином.

Проснулись от взрыва и перестрелки. Вскочили на ноги, схватились за винтовки. Я вбежал в соседнюю горницу, осветил Марину спичкой, – она крепко спала, одетая, вытянув длинные ноги, улыбаясь по-детски. При первом оклике встала, ничего не спросила, взяла в руки тяжелое свое ружье. Я открыл ворота настежь, поставил машину на выезде, посадил девочку на заднее сиденье. Вдоль улочки шла стрельба. Перебежками мы с Хименесом пробралась вперед. С колокольни кто-то, видимо наш, швырялся гранатами через крыши. Грохот отчаянный. Вопли. Это орут фашисты – их леденящий душу крик очень влияет на наших бойцов. Вдруг, чуть не ударившись лбами, мы столкнулись с Сантосом. Он в двух

словах объяснил: караул задремал, фашисты перерезали его и заняли, видимо небольшим отрядом, окраину деревни. Теперь надо отрезать этот авангард, пока к нему не подошли подкрепления.

Бой длился еще около часа. Загорелся стог сена, около него звонко затрещало и заискрилось оливковое дерево. Наконец стрельба с той стороны совсем утихла. Маленькими группками, пользуясь светом луны, начали прочищать край деревни. Нашли только двух убитых фашистов в форме «терсио» – иностранного легиона. У одного ручной гранатой совсем обезображено, сорвано лицо; возможно, он размахнулся гранатой и ударил ею нечаянно в стенку дома против себя – улицы здесь очень узкие.

Поставили новые караулы и пошли разогревать кофе. Мы убеждали Сантоса тотчас же сделать контратаку, но он говорит, что люди не привыкли драться ночью.

Невыспавшиеся, злые, в пять часов утра мы сели в машину.

13 августа

Проселочными дорогами, в густых облаках тяжелой, едкой пыли, мы едем вдоль фронта вниз, к Тардиенте. Дороги не все поименованы, крестьяне в деревнях советуют быть осторожными: очень легко незаметно заехать к мятежникам – с нашей стороны непрерывной линии охранений нет. Из-за этого мы несколько раз кружим, возвращаемся и подолгу стоим на перекрестках.

Наконец Тардиента – оживленный городок, масса солдат, повозки, боеприпасы, уйма автомобилей и автобусов, железнодорожная станция, бронепоезд на путях.

Мы находим штаб милиционных частей. Здесь вдруг трогательная встреча – Марина видит своего брата Альбера. Небольшого роста, хрупкий, легкий, он очень в пару сестре. Был портным, а теперь хочет стать командиром, и уже командир, – он член военного комитета тардиентской колонны, командует отдельными подразделениями и ходит с ними в бой. Он весел и даже шутлив – редкость для каталонца.

Колонна велика – несколько тысяч человек, в том числе несколько сот иностранных добровольцев. Есть батальоны имени Карла Маркса, Тельмана, Чапаева. Колонной руководит комитет, его исполнительный орган – тройка, в составе кадрового офицера («текнико»), социалиста дель Баррио и коммуниста Труэвы. Все они держатся дружно, весело, по-молодому. Нас они встречают с энтузиазмом и сейчас же целой толпой ведут все показывать.

У Ангиеса кадровые части не приближаются к противнику и фактически не воюют с ним. Здесь, наоборот, все слишком вынесено в первую линию. Высокий бетонный акведук служит основным укрепленным рубежом. Акведук – в зоне обстрела противника. На нем и под ним тардиентовцы расставили пулеметы и минометы. Но этим и исчерпывается вся глубина обороны. В пятидесяти шагах – уже сама деревня, казармы, штаб, склады боеприпасов. Противовоздушной обороны и наблюдения никакого нет.

Все-таки здесь много смелости, отваги, инициативы и преданности борьбе. По утрам на площади обучают новичков строю, мелкой тактике, ружейным приемам. В кружках учат стрельбе и сборке пулемета. Каждый день ходят в разведку и с чем-нибудь возвращаются – с пленным, с винтовкой, с продовольствием. Среди бойцов большая политработа, каждый день митинги, каждый день газеты, есть радио, кино. У всех стремление учиться военному делу, жадность к военным знаниям и страшная досада на недостаток их. Хименес облазил пулеметные посты и артиллерийские позиции, затем сел у подоконника, попросил бумаги, вынул цветные карандаши, надел очки и сделал простенькие, но тщательные кроки – более целесообразное расположение орудий и пулеметных точек. Это привело все руководство в восторг. Хименеса обнимали, и даже кадровый офицер, единственный «текнико» в Тардиенте, довольно ревнивый, посмотрев, сказал, что вполне одобряет.

На кладбище заравнивают и забрасывают камешками свежую могилу. Оказывается, вчера случилась история. Трое товарищей повезли в Барселону деньги и ценности, собранные крестьянами на антифашистскую борьбу. В деревне Монсон какие-то местные болваны задержали их, не разобрались в документах, обыскали, нашли много денег, тут же расстреляли всех как фашистов, вывозящих ценности, и торжественно явились сюда же, в Тардиенту, со своей добычей. Их судили, но простили: полуграмотные крестьяне, думали сделать как лучше… Товарищей хоронят пока безыменно, могилу маскируют, – кто знает, в чьих руках может еще оказаться Тардиента.

В колонне – большинство рабочих, но большая прослойка интеллигенции: инженеры, юристы, студенты. Здесь и два тореадора – они быстро обучились метать ручные гранаты. Профсоюз тореадоров в Мадриде мобилизовал себя в распоряжение правительства, торреро храбро дерутся против фашистов. Впрочем, торреро города Севильи отдали себя в распоряжение мятежного генерала Кейпо де Льяно…

Под вечер начинают медленно перестреливаться пушки. В местном трактире начинается общее собрание крестьян. Вторичное собрание, потому что вчера уже было собрание по тому же вопросу. Несколько анархистов собрали крестьян и объявили Тардиенту коммуной.

Им не возражали, но наутро возникли споры и ропот, группа пошла к Труэве и попросила его, как военного комиссара, разобраться в этом деле.

Очень острые и сложные вопросы сейчас – это о распределении земли и урожая, о формах хозяйства. Почти повсюду земля, конфискованная у фашистских помещиков, распределяется между беднейшими крестьянами и батраками. Урожай с помещичьих полей убирают совместно крестьяне и батраки и делят соответственно труду каждого, участвовавшего в уборке. Иногда делят по семейному признаку, по числу едоков. Но в прифронтовой полосе появилось несколько групп анархистов и троцкистов. Они добиваются, во-первых, немедленной коллективизации всех крестьянских хозяйств, во-вторых, реквизиции урожая с помещичьих полей в распоряжение сельских комитетов и, в-третьих, конфискации земли у средних крестьян, имеющих по пять-шесть гектаров. Приказами и угрозами было создано несколько подобных коллективов.

Низкая зала с каменным полом и деревянными столбами набита до отказа. Тлеет керосиновая лампа – ток берегут для кино. Крепкий дух кожи и крутого Канарского табака. Если бы не триста черных беретов, не бумажные веера у мужчин, можно бы поверить, что мы в кубанской станице.

Труэва произносит небольшую вступительную речь. Он разъясняет, что борьба ведется против фашистских помещиков, за республику, за свободу крестьян, за их право устраивать свою жизнь и труд по своему усмотрению. Никто не может навязывать арагонским крестьянам свою волю. И в отношении коммуны – это дело могут решить только крестьяне, никто, кроме них, никто за них. Колонна, в лице военного комиссара, может только обещать, что оградит крестьян от чьих бы то ни было насильственных мероприятий.

Общее удовлетворение. Крики «муй бьен» (очень хорошо).

Из залы спрашивают Труэву, не коммунист ли он. Отвечает, что да, коммунист, вернее – член Объединений каталонской Социалистической партии, но что это сейчас не имеет значения, потому что он здесь представляет военную колонну и весь Народный фронт.

Он невысокого роста, коренаст, крепок, был горняком, затем поваром, сидел в тюрьме, молод, одет в полувоенную форму с ремнями и пистолетом.

Поступает предложение – разрешить присутствовать на собрании только крестьянам и батракам Тардиенты. И другое предложение – присутствовать всем желающим, но говорить только крестьянам. Принимается второе.

Говорит председатель тардиентского синдиката (союз батраков и малоземельных крестьян, нечто вроде комитета бедноты). Он считает, что вчерашнее решение о коллективизации принято без участия большинства крестьян. Во всяком случае, оно должно быть еще раз обсуждено.

Одобрение собрания.

Голос из задних рядов заявляет, что вчера в табачной очереди очень ругали комитет. Он призывает вчерашних критиков выступить здесь. Буря в зале, протесты и одобрения, свист, крики «муй бьен». Никто не объявляется.

Крестьянин средних лет говорит смущенно, предлагает работать пока индивидуально, а там, после войны, вопрос встанет опять. Одобрения. Еще два оратора выступают с тем же.

Спор о разделе урожая этого года на конфискованных землях. Одни требуют раздела поровну, по дворам, другие – чтобы синдикат распределил по степени нуждаемости, по едокам.

Есть еще урожай, не скошенный из-за военных действий. Молодой парень выступает с предложением: пусть каждый скосит себе пшеницы, сколько сможет, за свой страх, под огнем фашистов. Кто больше рискнет своей шкурой, тот больше и получит. Это встречает одобрение. Но вмешивается Труэва. Он

считает предложение недостойным: «Мы все братья и не станем подвергать друг друга опасности из-за мешка зерна». Он предлагает собрать урожай в обстреливаемой зоне сообща, а военная колонна будет охранять крестьян. Зерно разделить по количеству затраченного труда и нуждаемости. Собрание склоняется на сторону Труэвы.

Уже восемь часов, и дело идет к концу. Но новый оратор нарушает равновесие. Взволнованными, страстными словами он убеждает жителей Тардиенты перестать быть эгоистами, начать делить все поровну, – не для этого ли ведется эта кровавая война? Надо подтвердить вчерашнее решение и сейчас установить свободный коммунизм. Надо конфисковать землю не только у помещиков, но и у богатых и у средних крестьян.

Крики, свист, ругань, хлопки, возгласы «муй бьен».

Вслед за первым еще пять анархистских ораторов идут в атаку. Собрание растерянно, часть хлопает, часть молчит. Все устали. Председатель синдиката предлагает голосовать. Первый анархист выступает против. Разве такие вещи решаются голосованием! Здесь нужен порыв, единое стремление, вихрь, вдохновение. При голосовании каждый думает о себе. Голосование – это эгоизм. Не надо голосования!

Крестьяне смущены, шумные фразы обжигают их, и хотя подавляющее большинство настроено против анархистского оратора, восстановить порядок и голосовать невозможно. Собрание пошло под откос.

Сейчас уже ничего нельзя сделать. Но Труэва вдруг находит выход. Он предлагает: так как сейчас трудно договориться, то все, кто хочет хозяйствовать индивидуально, пусть хозяйствуют. Кто же хочет создать коллектив, пусть придет сюда завтра в девять часов утра на новое собрание.

Это нравится всем. Только анархисты расходятся огорченные.

Ночью в маленьком театрике при раскаленном внимании идет кинофильм. У зрителей черные береты надвинуты низко на брови, глаза расширены. Василий Иванович Чапаев в широкой бурке мчится по холмам, и холмы похожи на здешние, арагонские. Черные береты жадно следят, как Василий Иванович объединяет приуральских крестьян против помещиков и генералов, как он бьет

своих, русских фашистов, тоже похожих на здешних, испанских… Василий Иванович готовится по карте к завтрашнему бою, а Петьке не спится, он разглядывает с полатей своего командира.

«Гляжу я на тебя, Василий Иванович, и думаю: непостижимый ты для моего разума человек. Наполеон! Чистый Наполеон!»

Он спрашивает Чапаева, мог ли бы он командовать в международном масштабе. И Василий Иванович, смущаясь, отвечает:

«С языками у меня плоховато».

Но он недооценивает себя. Язык Василия Ивановича стал понятен всему миру. Большевиками-командирами – Ворошиловым, Чапаевым – гордятся рабочие и крестьяне во всех странах – как символ рабочей боевитости и непобедимости. Теперь каждый народ воспитывает своих Ворошиловых, своих Чапаевых. Пусть они пока никому не известны – первая же схватка обнаруживает их. Наполеон? Здесь был Наполеон. Именно здесь сто двадцать восемь лет назад Наполеон осадил с несколькими тысячами солдат Сарагосу. Арагонские крестьяне и мастеровые заперлись в городе и отказались сдаться иностранным завоевателям. Восемь месяцев генерал Лефевр лез на крепостные стены, рыл подземные ходы, взрывал порохом отдельные дома – и через восемь месяцев, по приказу Наполеона, позорно снял осаду. Сейчас в Сарагосе заперся с семью тысячами солдат, с артиллерией и танками, старый генерал Кабанельяс, член фашистского правительства. Арагонские крестьяне, каталонские рабочие учатся у Чапаева защищать свои права. Смертельно раненный русский большевик тонет в реке Урал, похожей на реку Эбро. И как бы в ответ в зале гремит яростный клич:

– На Сарагосу!

В домике на площади заседает военный комитет. Под окнами молодежь поет песни. «Красный Веддинг» сменяет «Карманьолу», затем звенят незнакомые кастильские слова «Приамурских партизан». Сюда собрались люди со всего света, даже шведы, австралийцы, македонцы. Есть даже абиссинский негус, не настоящий, конечно. Это один итальянец-рабочий отпустил себе бороду, подстригает себя, как негус. Он очень храбрый человек, не пропускает ни одной атаки, идет в бой обнаженный до пояса, с винтовкой и с навахой. Его все

фотографируют на память, и он все повторяет: «Надо, чтобы Муссолини это видел: пусть он видит, что я опять сражаюсь против него, не в Абиссинии, а здесь».

Вдруг суматоха, слышен рокот мотора. Тушат свет. Появляется самолет, очень маленький, просто авиетка. Она шныряет над Тардисентой, пока в нее не начинают наугад стрелять.

С ночлегом здесь туго, все переполнено. Меня послали на паровую мельницу. Хозяин был видным здешним фашистом, его расстреляли. В спальне его, уже порядком замусоренной, меня встретил пожилой, с совершенно черным от небритости лицом человечек. Это репортер барселонской газеты «Публиситад». Он вынул из заскорузлого бумажника визитную карточку и подал мне. Я сделал то же. Мы церемонно поклонились друг другу и, не сказав ни слова, тотчас же улеглись вместе в единственную грязную кровать.

14 августа

Проснулся в кровати мукомола, одетым, обнявшись с заросшим человечком. Коллега-журналист тотчас же засуетился, поправил на шее ветхий воротничок, ушел и вернулся с солдатским котелком кофе, с большим куском хлеба. Труэва, Альбер и Марина пришли разделить завтрак. Я сказал, что хочу поехать в Бухаралос, к Дурутти. Труэва предложил сопровождать, он хочет посмотреть анархистскую колонну.

За два часа езды по проселкам мы опять покрылись толстым слоем мучнистой известковой пыли. Опять останавливались и проверяли дорогу – она идет в трех-четырех километрах параллельно фронту. Противник тоже путается в здешних дорожках. Этой ночью крестьянский патруль окликнул машину: «Кто едет?» Бойкий ответ: «Фалаиха эспаньоль!» Крестьяне открыли огонь, перебили всех пассажиров, среди них фашистского полковника.

Бухаралос весь увешан красно-черными флагами, заклеен декретами за подписью Дурутти или просто плакатами: «Дурутти приказал то-то и то-то». Городская площадь называется «Площадь Дурутти». Сам он со штабом расположился на шоссе, в домике дорожного смотрителя, в двух километрах от

противника. Это не очень-то осторожно, но здесь все подчинено демонстративной храбрости. «Умрем или победим», «Умрем, но возьмем Сарагосу», «Умрем, покрыв себя мировой славой» – это на знаменах, на плакатах и листовках.

Знаменитый анархист встретил сначала невнимательно, но, прочтя в письме Оливера слова: «Москва, «Правда», сразу оживился. Тут же, на шоссе, среди своих солдат, явно привлекая их внимание, он начал бурный полемический разговор. Его речь полна мрачной фанатической страстности.

– Может быть, только сотня из нас останется в живых, но эта сотня войдет в Сарагосу, уничтожит фашизм, подымет знамя анархо-синдикалистов, провозгласит свободный коммунизм… Я войду в Сарагосу первым, провозглашу там свободную коммуну. Мы не будем подчиняться ни Мадриду, ни Барселоне, ни Асанье, ни Хиралю, ни Компанису, ни Касановасу. Хотят – пусть живут с нами в мире, не хотят – мы пойдем на Мадрид… Мы покажем вам, большевикам, русским и испанским, как надо делать революцию, как доводить ее до конца. У вас там диктатура, в Красной Армия заведены полковники и генералы, а у меня в колонне нет ни командиров, ни подчиненных, мы все равны в правах, все солдаты, я тоже здесь только солдат.

Он одет в синее холщовое моно (комбинезон); шапка сшита из красного и черного сатина; высок, атлетического сложения, красивая, чуть седеющая голова, властен, подавляет окружающих, но в глазах что-то чересчур эмоциональное, почти женское, взгляд иногда раненого животного. Мне кажется, у него недостаток воли.

– У меня никто не служит из-за долга, из-за дисциплины, все пришли сюда только из-за желания бороться, из-за готовности умереть за свободу. Вчера двое попросились в Барселону повидать родных – я у них отнял винтовки и отпустил совсем, мне не надо таких. Один сказал, что передумал, что согласен остаться, – я его не принял. Так я буду поступать со всеми, хотя бы нас осталась дюжина! Только так может строиться революционная армия. Население обязано помогать нам – ведь мы боремся против всякой диктатуры, за свободу для всех! Кто нам не поможет, того мы сотрем с лица земли. Мы сотрем всех, кто преграждает путь к свободе! Вчера я распустил сельский совет Бухаралоса – он не помогал войне, он преграждал путь к свободе.

– Это все-таки пахнет диктатурой, – сказал я. – Когда большевики во время гражданской войны иногда распускали засоренные врагами парода организации, их обвиняли в диктаторстве. Но мы не прятались за разговоры о всеобщей свободе. Мы никогда не прятали диктатуры пролетариата, а всегда открыто укрепляли ее. И затем – что это может получиться у вас за армия без командиров, без дисциплины, без послушания? Или вы не думаете воевать всерьез, или вы притворяетесь, у вас есть какая-то дисциплина и какая-то субординация, только под другим названием.

– У нас организованная недисциплинированность. Каждый отвечает перед самим собой и перед коллективом. Трусов и мародеров мы расстреливаем, их судит комитет.

– Это еще ни о чем не говорит. Чья это машина? – Все головы повернулись, куда я указал рукой. На площадке у шоссе стояло около пятнадцати автомобилей, большей частью изломанных, потертых «Фордов» и «Адлеров», среди них роскошная открытая «Испано-Суиса», вся блистающая серебром, щегольской кожей подушек.

– Это моя, – сказал Дурутти. – Мне пришлось взять более быстроходную, чтобы скорее поспевать на все участки фронта.

– Вот и правильно, – сказал я. – Командир должен иметь хорошую машину, если можно ее иметь. Было бы смешно, если бы рядовые бойцы катались на этой «Испано», а вы в это время ходили бы пешком или тащились бы в разбитом «Фордике». Я видел ваши приказы, они расклеены по Бухаралосу. Они начинаются словами «Дурутти приказал…»

– Кто-нибудь да должен же приказывать, – усмехнулся Дурутти. – Это проявление инициативы. Это использование авторитета, который у меня есть в массах. Конечно, коммунистам это не могло понравиться… – Он покосился на Труэву, который все время держался в стороне.

– Коммунисты тогда не отрицали ценности отдельной личности и личного авторитета. Личный авторитет не мешает массовому движению, он часто сплачивает и укрепляет массы. Вы командир, не притворяйтесь же рядовым бойцом – это ничего не дает и не усиливает боеспособности колонны.

– Своей смертью, – сказал Дурутти, – своей смертью мы покажем России и всему миру, что значит анархизм в действии, что значат анархисты Иберии.

– Смертью ничего не докажешь, – сказал я, – надо доказать победой. Советский народ горячо желает победы испанскому народу, он желает победы анархистским рабочим и их руководителям так же горячо, как коммунистам, социалистам и всем прочим борцам с фашизмом.

Он повернулся к окружавшей нас толпе и, перейдя с французского на испанский язык, воскликнул:

– Этот товарищ приехал, чтобы передать нам, бойцам НКТ-ФАИ, пламенный привет от российского пролетариата и пожелание победы над капиталистами. Да здравствует НКТ-ФАИ! Да здравствует свободный коммунизм!

– Вива! – воскликнула толпа. Лица стали веселее и гораздо дружелюбнее.

– Каковы же дела? – спросил я.

Он вынул карту и показал расположение отрядов.

– Нас держит железнодорожная станция Пина. Поселок Пина в наших руках, а станцию держат они. Завтра-послезавтра мы перейдем Эбро, двинемся к станции, очистим ее, – тогда правый фланг у нас будет свободен, мы займем Кипто, Фуэнтес де Эбро и подойдем к стенам Сарагосы, Бельчите сдастся само – оно окажется окруженным у нас в тылу. А они, – он кивнул на Труэву, – они все еще возятся с Уэской?

– Мы готовы подождать с Уэской, поддержать ваш удар с правого фланга, – скромно сказал Труэва. – Конечно, если ваш удар серьезный.

Дурутти молчал. Потом нехотя откликнулся:

– Если у вас есть желание – помогайте, нет желания – не помогайте. Сарагосская операция – моя, и в военном, и в политическом, и в военно-политическом отношении. Я за нее отвечаю. Дав нам тысячу человек, думаете ли вы, что мы станем делить с вами Сарагосу? В Сарагосе будет или свободный коммунизм,

или фашизм. Берите себе всю Испанию – оставьте меня с Сарагосой в покое!

Потом он смягчился и стал беседовать без колкостей. Он увидел, что к нему приехали без злых намерений, но на резкости будут отвечать не менее резко. (Здесь, несмотря на всеобщее равенство, с ним никто не смеет спорить.) Он много и жадно расспрашивал о международном положении, о возможностях помощи Испании по военным, по тактическим вопросам, расспрашивал, как велась политработа в гражданской войне. Он сказал, что колонна хорошо вооружена и имеет много боеприпасов, но очень трудно с управлением. «Текнико» имеют только совещательные функции. Все решает он сам. По его словам, он произносит в день около двадцати речей, – это изнуряет его. Строевых занятий ведется очень мало, бойцы не любят их, а ведь они неопытны, дрались только на улицах Барселоны. Довольно сильное дезертирство. Сейчас в колонне осталось тысяча двести человек.

Он вдруг спросил, обедали ли мы, предложил дождаться, пока привезут котел. Мы отказались, не желая отнимать порции бойцов. Тогда он дал Марине записку.

Прощаясь, я искренне сказал:

– До свидания, Дурутти. Я приеду к вам в Сарагосу. Если вас не убьют здесь, если вас не убьют в драке с коммунистами на улицах Барселоны, вы, может быть, лет через шесть станете большевиком.

Он усмехнулся и тотчас же повернулся широкой спиной, заговорив с кем-то, случайно стоявшим.

В Бухаралосе в амбаре нам по записке выдали роскошный паек – коробку сардин, три большие головки сладкого валенсийского лука, помидоров, хлеба, копченого мяса и живую курицу. В первом же крестьянском доме устроились на обед. Курицу подарили хозяйке, она же сделала нам салат и принесла воды. «Да здесь горькая, в нее подсыпают чуть-чуть сахару». Хозяйкина дочь разгуливает в анархистском колпаке, отец, батрак, ушел воевать.

Мы простились с Труавой и остаток дня ехали. Ночью – опять кипящая, бессонная, в огнях, Барселона. Ловили фашистский автомобиль. Он уже третью ночь носится (или их несколько?) по городу, обстреливает и убивает прохожих, вчера обстрелял булочников, шедших с работы.

15 августа

Сегодня пропащий день, – первый пропащий со дня отлета из Москвы, но, наверно, не последний. В восемь утра послал Марину на телеграф – узнать, проходила ли ночью моя большая телеграмма из Лериды. Через полчаса она звонит: телеграмма дошла до Барселоны и дальше не идет, есть какой-то новый декрет правительства о цензуре заграничных телеграмм. Поехал на телеграф – огромное здание; начались хождение и митингование по всем коридорам, разговоры по-каталонски, по-испански, по-французски, по-английски, – эти кошмарные нескончаемые разговоры с испанскими чиновниками – пытка, равной которой нет ни в какой другой стране. Каждый новый вступающий в беседу необычайно любезен, активен и прост; объясняет, что вопрос пустяковый, уладить его можно мигом, он уладит сам. Начинается обмен благодарностями, похлопывание по плечу. Затем он вас куда-то ведет, входит в чей-то кабинет, выходит слегка потускневший и в сопровождении следующего. Они яростно галдят, спорят, потом вдруг сговариваются и любезно предлагают прийти завтра. Вы настаиваете, они раздумывают и ведут к третьему. Третий опять бурно любезен, – опять хлопанье по плечу, и опять все сначала. В общем, все зависит от начальника телеграфа. Но старый начальник третьего дня уже сменен, а новый еще не приступил к работе и, говорят, очень строгий.

Отправился искать протекцию. Сначала к Коморере, затем к Эспанье, члену правительства по внутренним делам. Во дворе и в доме куча народу, жандармы, полиция, но Эспаньи нет, уехал завтракать.

Поехал к Касановасу. Он здесь, во дворце, но у него заседание. Я согласен ждать до конца заседания. Секретарь очень любезен, ему, кстати, нечего делать. Он показывает дворец, потом картины, потом гобелены, потом библиотеку Заседание идет. Слышен рев тигров и львов из зоологического сада. Идут часы. Хочется рычать вместе со львами.

Наконец правительство выходит. Касановас жмет руку, показывает на Эспанью: «Он вам все устроит». Исчезает Эспанья «Да, да, не беспокойтесь, все будет улажено. Знакомьтесь, это наш комиссар прессы, он все сделает». Исчез. Комиссар прессы: «Подождите меня здесь, я через минуту вернусь». Исчез. Все исчезли. Десять, двадцать минут. Никого. Слуги убирают… Комиссар прессы все-

таки вернулся «Приезжайте через два часа в управление внутренних дел – правительство к этому времени договорится с телеграфом». Оставил визитную карточку. Его зовут Хоаким Вила-и-Виса. Исчез.

Ровно через два часа, как из пушки, приехал в управление внутренних дел. Где комиссар прессы, сеньор Хоаким Вила-и-Биса? Его нет. Когда будет? Неизвестно! Но все-таки?! Он работал всю ночь и, вероятно, будет спать до трех. Но ведь я уже его видел! Все равно, сейчас, наверно, отсыпается. Где он живет? Вот адрес. Еду по адресу. Хоаким раздет, бреется, бодро настроен. Дал мне еще раз карточку с рекомендацией к начальнику аппаратного отделения на главном телеграфе. «Он вам протолкнет. И знаете, почему? Он коммунист. Для «Правды» он сделает все».

Снова на телеграф. Начальник аппаратной готов протолкнуть, тем более что корреспонденция была сдана в Лериде и накануне запрета. Но нужна виза начальника телеграфа. А начальник новый, он еще не принял дел, очень осторожен, с ним ничего не выйдет. Разве что прямое распоряжение из Мадрида.

Опять у разбитого корыта, – все провалилось. Вчера начальника не было, сегодня у его дверей сидят два седых цербера в галунах. Видимо, очень большой бюрократ. Ладно, терять нечего, пойдем… В огромном кабинете оказался парень лет двадцати двух, рабочего вида, веселый и простой. Пропустить телеграмму? Пожалуйста. Он мгновенно накладывает визу. Он сожалеет, что вчера не приступил к работе, – телеграмма ушла бы вчера.

Остаток дня Марина показывала места боев, пункты главных схваток. Немногословно, вежливо она рассказывает: их было трое – она, брат Альбер и друг. Вместе росли, вместе играли, вместе вступали в комсомол. Девятнадцатого июля вместе взяли по винтовке и пошли на баррикады у Пласа дель Колон. Друга убило четырьмя пулями в живот. Он упал между братом и сестрой. Альбер достал учебник тактики, пехотный устав и ушел под Сарагосу, Марина стала машинисткой в военном комитете. Иногда она отворачивается, забивается в угол и долго сидит лицом к стене. Когда я ее окликаю, она объясняет:

– Вам, как русскому товарищу, я могу сказать открыто: мы все здесь слишком сентиментальны. Это огромный недостаток! Мы ужасно сентиментальны!

Хулио Хименес Орге-Глиноедский не едет в Мадрид. Сегодня приехал Альбер, специально по поручению Труэвы и всей тардиентской колонны, – просить Хименеса вернуться к ним как военного советника и начальника артиллерии. Он решил принять это предложение – ребята хорошие, способные, храбрые. К тому же Хименес робеет перед большими штабами. Военные знания его несколько устарели, они относятся к девятьсот шестнадцатому году. Для поднятия авторитета он хотел купить себе стек; я отговорил и подарил ему желтые лайковые перчатки. Он сказал, что это тоже как-то придает авторитет.

Тревожные известия из Мадрида. Мятежники взяли город Бадахос. Это даст им возможность соединить два своих до сих пор изолированных района – южный и северный.

Утром поехал в Прат на аэродром, в дороге сломал правую ключицу и вывернул ступню. Был твердо уверен, что так произойдет, думал только, что это будет позже и в менее умеренной форме. Вчера утром у меня взяли машину – она понадобилась кому-то для поездки в Валенсию – и дали другую, уже с шофером, роскошную новенькую «Испано-Суису» с серебряными инкрустациями внутри; только правая дверца оторвана и лихо привязана старой веревкой. Шофер Хосе, молодой парень с нежным, тихим лицом и глазами газели, ездит как все здесь, то есть как буйно помешанный. Уже вчера, при переезде от дворца на телеграф, он делал кривые, от которых приходили в голову мысли о бренности всего земного. Развернуться с глубоким заездом на тротуар, давя народ, он считает самым богоугодным делом… Сегодня на шоссе, на скорости девяносто, не сбавляя хода, обгоняя телегу с ослами, он сделал чудовищный виток между встречным грузовиком и второй телегой. Лимузин грохнул о громадный платан, кузов вогнулся, как уголок конверта. Спутницу мою, Машу, хлестнуло по руке хрустальными осколками, сразу залило кровью белый резиновый плащ. Она выскочила вся в крови, оставив туфли и машине, я – держась за плечо и шею. Сейчас же толпа, ахи, охи, откуда-то карета Красного Креста. Нас берут в карету. Машу обматывают ватой, бинтами, везут и… И затем – этому никто на свете не поверит, это трюк из дешевого приключенческого фильма – ровно через две минуты, через три километра, санитарную карету, которая тоже мчится на скорости сто, заносит на мостике, и она валится с высокого откоса вниз…

Все целы и уныло посмеиваются. Вдруг на шоссе, вихляя, появляется наша «Испано» со скомканным кузовом. Выходит Хосе, спускается по откосу, смотрит на санитарного шофера уничтожающим взглядом, забирает нас, своих пассажиров. Едем в Прат – там сначала в гараж, сказать, что санитарная машина

в канаве, затем к местному хирургу, в маленькую частную клинику. Хирург нескончаемо долго и усердно выковыривает стекло из руки, Маша улыбается сквозь слезы. Хосе тоже проперся вовнутрь, он смотрит, оцепенев, на операцию и вдруг, закрыв лицо руками, ложится на кушетку. Он, оказывается, не выносит вида крови: «Сой нервисо» (я нервный)…

В Прате самолетов на Мадрид нет. Вернее, нет испанских и французских самолетов. Правительственный «Дуглас» с дипкурьерами летает раз в неделю. А вот германский «Юнкерс» все еще ходит, оборачивается каждый день Мадрид – Париж и обратно, все еще возит пассажиров-немцев, грузы, пакеты, какие-то машины. Никто пока не решился расторгнуть договор с компанией «Люфтганза».

Эскадрилья Андре уже вся в Мадриде. Гидес задержался с поручениями здесь. Он резв, мил, насмешлив. Он рассказывает: проезжая через маленькую площадь Прата, под огромным полотнищем «Виска Сандино!», он спросил у местного жителя, кто повесил эту надпись. Местный житель удивился его наивности: «Как кто? Сандино!»

Сообщение о фашистской атаке на Тардиенту. Мятежники начали с воздушного налета, затем послали в атаку пехоту, поддержанную артиллерией. Их отбили пулеметами, ленточными гранатами и врукопашную. Отлично дрался батальон имени Маркса. При одном из убитых фашистов нашли неотправленное письмо: «Завтра идем в Тардиенту бить абиссинцев и обедать». Мятежники называют себя итальянцами, правительственные войска – абиссинцами.

В газете «Публиситад» – длинная телеграмма от коллеги-журналиста об одержанной победе. Она кончается сообщением: «Корреспондентский пункт нашей газеты в Тардиенте (речь о спальне расстрелянного мукомола) стал постоянным местом посещений виднейших политических деятелей. Так, вчера нам нанес визит представитель большевистской газеты «Правда».

17 августа

До сегодняшнего дня никаких известий, информации из Москвы. Здешняя печать поглощена целиком внутренними делами.

И вдруг сегодня во всех газетах снимки московских демонстраций в честь испанского народа и еще большое фото – улыбающийся, счастливый, победивший Чкалов стоит рядом со Сталиным, Ворошиловым, Кагановичем.

Это оживило день, а то тоскливо было бездеятельно лежать с поломанной ключицей. И самолета на Мадрид нет, и новости с фронта неважные.

18 августа

Поутру на английской машине «Драгон», крайне обветшалой, улетели из Барселоны. Перед отлетом – совещание пассажиров с пилотом и французским директором аэродрома, как лететь в Мадрид: кругом, берегом, через Валенсию, или напрямик, над территорией мятежников?

Пассажиров – восемь, все разной национальности, незнакомы, все подозрительны друг к другу, все подозрительны пилоту, и пилот подозрителен всем. Неизвестно, откуда он, его ли самолет и откуда сам самолет. Все устроились лететь через директора аэродрома. Директор, веселый краснощекий господин, знает все, но не объясняет ничего. Ко всем у него одно и то же обращение: «Мой бедный друг».

В результате долгого спора принято решение в согласии с пилотом: лететь напрямик, с тем, чтобы над территорией мятежников подняться не менее чем на две с половиной тысячи метров. Самолет плотно загружают неопределенного вида поклажей, между ящиками и чемоданами набиваются люди.

Летим сначала побережьем, затем на юго-запад. Через сорок минут подходим к горным цепям. От жары и потоков воздуха в ущельях очень болтает. Чемоданы начинают разъезжать внутри кабины… Вот Сиерра Кукалон, Сиерра Кудар, Сиерра Альбарасин. Здесь южная часть занятой мятежниками арагонской провинции. Скоро начнется Новая Кастилия. Летим час, до Мадрида еще час. Но пилот вдруг меняет курс. Вместо Гвадалахары мы поворачиваем на восток. Горы утихают, сменяются волнистыми холмами, затем равниной. Мы летим в Валенсию. Почему? Не хватает бензина. Но ведь до Мадрида такое же расстояние! И зона мятежников уже пройдена на три четверти! Впрочем, здесь трудно вступать в пререкания. Еще час полета – на необозримом, геометрически

четком узоре оливковых рощ – голубая, зеленая, розовая, в светлой дымке, Валенсия.

На аэродроме представитель «гардиа сивиль» пробует проверить у прилетевших паспорта. Только пробует, большинство пассажиров в ответ вытаскивают документы более чем странного вида. Один предъявляет просто визитную карточку. Жандарм качает головой и отходит в сторону.

В аэропорту нет бензина, – пока его подвезут, можно съездить в город. Здесь все выглядит спокойно и мирно. Красивые площади с небоскребами изнывают от жары. На тротуарах под пальмами, за столиками, пьют кофе и вермут, слушают радио. Иногда, обмакнув или послюнив палец, подымают вверх – нет ли ветерка с моря.

В порту и на рейде много судов, – выгружаются нефть, чугунные болванки, скот из Югославии.

К трем часам баки наконец полны. Вылетели. Быстро кончились чистенькие оливковые рощи на ровной багровой земле. Пошла суровая, выгоревшая, скалистая сиерра.

Старенький «Драгон», обливаясь ручьями горячего масла, ползет вверх. Два моторчика «Джипси» по сто семьдесят сил тужатся тащить восемь человек, пилота, механика и гору клади. А в Москве, в Ленинграде, повсюду на родине сегодня День авиации. По московскому времени сейчас восемнадцать часов. Сотни самолетов, тысячи парашютистов, десятки тысяч людей на Тушинском аэродроме. И эскадрилья имени Горького где-то сбрасывает тучи листовок. И свежо, есть чем дышать, не то что в этом рыдване над кастильской каменной сковородкой.

Наконец на плоскогорье, серой известковой массой, в облаке пыли, возникает Мадрид. Он кажется одиноким среди гор. Предместья его обрываются сразу. Мало зелени, только большое зеленое пятно леса Касса дель Кампо.

На аэродроме много народу, почти все военные. Бродит Андре, – он устал, худ, взвинчен, не спал много ночей. Его отзывают то в одну, то в другую сторону; все управление эскадрильей происходит стоя, на ходу, в разговорах.

Мы едем в город. После Барселоны здесь спокойнее, обыденнее. Меньше декоративности, флагов, плакатов. Автомобили не измазаны огромными лозунгами, на лицах сравнительно нормальное движение. Сравнительно – имея в виду манеру езды испанских шоферов.

Почти не видно разрушенных зданий. Много магазинов, закусочных, гостиниц обозначено надписью «инкаутадо»; это те предприятия, которые взяты в государственное или профсоюзное управление.

Повсюду, как и в Барселоне, здесь властвует «моно» – синий холщовый или бумажный комбинезон с застежкой «молния». Очень удобны альпаргатас – легкие белые полотняные тапочки на веревочной подошве. Раньше в этих кварталах Мадрида даже в самую страшную жару неудобно было показаться без пиджака, жилета, галстука, без шляпы. Сейчас вся столица разгуливает в моно и в альпаргатас, с непокрытыми головами – милиционеры, разносчики воды, дамы, почтенные старцы.

19 августа

Военное министерство – в самом центре города, на холме, в саду. Перед подъездом статуя «Большого капитана» – Гонсалеса из Кордовы, знаменитого средневекового полководца. Лестницы, приемные и залы дворцового типа – мрамор, ковры, гобелены. К этому зданию пристроены более новые корпуса канцелярского типа – генеральный штаб.

Все залы полны народу – люди за столами, у телефонов, в групповых разговорах. Очень много штатских, особенно депутатов парламента. Они сидят здесь часами и целыми днями, выпрашивают, вытягивают, мольбами, или протекциями, или угрозами, у министерства по 500, или 300, или 150 солдат, или винтовок, или пулеметов, или грузовиков для своего избирательного округа. Это считается проявлением патриотизма, преданности избирателям и даже военных талантов. И министерство, уступая нажиму, поторговавшись, раздает делегатам по 490, или по 275, или по 140 винтовок, солдат, грузовиков…

Военного министра Сарабия куда-то вызвали. Вместо него беседую с премьер-министром Хосе Хиралем. Это пожилой, чистенький, скромного вида человек, в

докторских очках, с тугим крахмальным воротничком. По основной профессии он ученый-химик, но в то же время активный левый республиканец, один из ближайших друзей президента Асаньи. Он старается не поддаваться стихийности обстановки, владеть собой и направлять события, хотя это плохо удается. По испанской привычке он, для разговора вдвоем, выводит меня на балкон. Пять лет назад, через две недели после свержения династии Бурбонов, на этом же балкончике мы разговаривали с военным министром Асаньей.

Взятие Бадахоса не очень тревожит Хираля. Чудовищна только резня, которую фашисты там устроили, этот кошмарный расстрел полутора тысяч рабочих, женщин, детей на площади для боя быков. Сомнительно, чтобы мятежникам удалось, даже со взятием Бадахоса, сомкнуть свои северный и южный фронты. На Гвадарраме части держатся крепко. Единственное, что катастрофично, – это отсутствие оружия. Нужны самолеты, артиллерия, танки, а прежде всего винтовки. Во имя бога, винтовки! Правительство обратилось ко всем нефашистским странам, оно просит оружия в Европе, в Северной и Южной Америке. Предлагает какие угодно цены и условия. Людей есть сколько угодно, храбрых, преданных добровольцев. Всюду формируются новые колонны. Нечем их вооружать. Основная и единственная забота правительства сейчас – это снаряжение. Сколько продлится война? Хираль думает, что это история на месяцы. Может быть, даже на полгода. Если было бы вот сию минуту под руками оружие, мятеж можно было бы ликвидировать в две-три недели. Германцы и итальянцы открыто подсыпают мятежникам все виды снаряжения.

– Я, – сказал еще Хираль, – только что беседовал с перебежчиками из Севильи – они сообщают о прибытии туда третьего дня нового поезда со снаряжением и боевыми припасами для всех родов оружия, причем даже охрана поезда состояла из германских фашистов, именовавших себя «добровольцами»… Нам трудно возразить против деятельности французского правительства, которое пытается, впрочем безуспешно, договориться о международном нейтралитете в отношении Испании, хотя мы не понимаем, какой нейтралитет можно соблюдать, когда правительство, созданное законным образом, борется внутри страны с мятежниками. Но беда в том, что и такого нейтралитета по отношению к нам не существует. Каждый день мятежники получают из-за границы самолеты, винтовки, бомбы. На глазах у всех совершается наглое издевательство над международным правом. При таком положении подавить противника будет чем дальше, тем труднее… Но все-таки мы его подавим. А потом, если вы не против, я поеду к вам посмотреть советскую химию и отдохнуть. Еще недавно моей самой большой мечтой было поехать в Советский Союз, познакомиться с вашими учеными, о которых я много слыхал и среди

которых надеялся найти друзей. Судьба сложилась так, что я, как республиканец и демократ, оказался во главе правительства, обороняющего республику, культуру и честь испанского народа от монархии, от реакции, от фашизма… У нас огромное чувство благодарности к советскому народу, к его правительству, к его профсоюзам за благородное отношение, за помощь нам в этот тяжелый момент…

Спрашивает, обеспечен ли я всем необходимым, нужны ли бумаги, пропуска, нужен ли автомобиль. Дает указания по почтовому ведомству – не задерживать телеграмм. Возвращается полковник Сарабия, седой вежливый человек маленького роста. Он был у президента – тот целиком поглощен ходом военных действий, вникает в каждое передвижение частей, каждое оперативное распоряжение. Сарабия хватается за телефон, начинает реализовывать разговор с президентом. Штаба здесь, очевидно, никакого нет, средств связи и управления тоже нет, министр сам устанавливает связь с отдельными батальонами и колоннами, сам ими командует по телефону. Так далеко не уедешь.

Левые республиканцы из группы Асаньи все похожи на Хираля и друг на друга. Это радикальные интеллигенты, очень образованные, по стилю – люди кабинета, но не кабинета министров, а ученого, профессорского кабинета, склонные к широчайшим обобщениям (вообще испанская черта), расплывчатые и медлительные в конкретных решениях. Все это пока дополняется какой-то внутренней решимостью – решимостью остаться с народом, проделать до конца взятую на себя миссию. Судьба жестоко пошутила над спокойными докторами химии, археологами и литературоведами, бросила их в котел гражданской войны, революции, интервенции. Они пока не противятся этой судьбе; они хотят, сколько хватит сил, бороться с фашизмом, – в этом их, леворадикальных буржуазных интеллигентов, правильно понятая историческая роль и несомненная заслуга.

Но борьба все острее. Сегодня уже месяц с того дня, когда загремели первые фашистские выстрелы в казарме Ла Монтанья, а узел затягивается все крепче.

Это уже не мятеж только. Это война, и тылы обоих противников уходят очень глубоко. Франко заявил корреспонденту Рейтера: «Если мы победим, Испания будет управляться на корпоративных началах, на основе тех же принципов, что Германия, Италия, Португалия. Мы установим диктатуру, которая будет длиться столько, сколько это понадобится».

У Франко в тылу – миллиардер Хуан Марч, монахи с банковскими арифмометрами, гестапо, Троцкий – со своей шайкой, японские самураи, арийские параграфы, итальянская касторка для рабочих, заводы Круппа, исступленный бред Мигеля Унамуно.

За тихим доктором химии Хиралем, радует это его или нет, в тылу – пролетарии и крестьянство Испании, радикальные китайские профессора и студенты, встревоженные чехословаки, британские лейбористы, черно-красные флаги Дурутти, антифашистский гнев и ярость рабочих кварталов всего мира.

В Италии, в Германии вызов не был принят. Рабочие не успели сговориться с крестьянством и с мелкой буржуазией, партии – между собой. Черная, коричневая чума подкралась внезапно, стремительно. Фашизм не может прийти к власти без мятежа, без насильственного разгрома. Даже получив избирательное большинство, Гитлер должен был, уже после прихода к власти, устроить мятеж, переворот, поджечь для этого рейхстаг, схватить парламентских деятелей – и вовсе не только из рабочих партий.

Здесь, именно здесь, в беспечной, медлительной, отсталой стране, у рабочего класса нашлась молниеносная хватка, стихийная организованность, чтобы схватить фашизм за горло, сразу поранить и окровавить его первым попавшимся под руку оружием, отбросить, пусть пока только от столиц, начать с ним борьбу. Здесь впервые вызов принят, и какая это будет борьба!

Франция, безумная страна, чего же ты ждешь? Сто двадцать лет, как ты перестала чувствовать границу в Пиренеях, а теперь тебя обходят с юга, германские стальные шлемы уже показались у Ируна, у Сан-Себастьяна. Выполняется угроза Бисмарка – ведь это он хотел «приложить испанский горчичник к затылку Франции»! Здесь у тебя нет линии Мажино. Две дюжины чудаков и искателей приключений из эскадрильи Андре, без паспортов, на случайных машинах, кинулись в воздух оборонять тебя, Франция, твои спокойствие и безопасность, твои богатства и красоты, твои заводы и пашни, громадную армию, твой могучий воздушный флот. По одному человеку собираются французские рабочие-патриоты для помощи Испании, для отражения фашистского нашествия. Уже Мексика обещает прислать винтовки испанцам, а ты все медлишь! Опасность мировой войны? Когда же пожар тушили, давая пламени угаснуть самому по себе? Надо затоптать ногами огонь в комнате, чтобы он не захватил весь дом.

Францию трепетно ждут здесь эти дни. Ни у кого – ни у главы правительства, ни у рабочего с винтовкой на плече, ни у чистильщика сапог – нет ни малейшего внутреннего сомнения, что Франция, левая, правая, какая угодно Франция, в испанских ли, во французских ли, в общих ли интересах безопасности, придет на помощь Испании. Многие верят, что помощь уже пришла.

Офицер работает над картой в соседней с Хиралем комнате. Он подмигивает мне.

– Франсэ?

– Но. Русо.

Изумление. Сомневается: не шутка ли? Девушка в газетном киоске:

– Франсэ?

– Но. Русо.

Смеется. Не верит.

Милиционеры-бойцы в кофейной, оборачиваясь ко мне с рюмками коньяку:

– Да здравствует наш верный друг Франция!

Я отвечаю:

– Мерси.

Вечером на улице Серрано, в Центральном комитете Коммунистической партии, довелось увидеть и обнять сразу и Хосе Диаса, и Долорес Ибаррури, и Висенте Урибе, и других знакомых и впервые встреченных друзей.

20 августа

Рано утром я заехал за Долорес, оттуда через Фуэн-карраль мы поехали на Сиерру Гвадаррама. Великолепная автострада идет через густой лес-парк, затем среди роскошных усадеб с загородными виллами. Почти не прерываясь, сменяют друг друга маленькие курортные поселки. Здесь отдыхала от мадридской духоты знать и богатая буржуазия. Сейчас все разрушено артиллерией, пожарами или просто заколочено, запущено, брошено.

Поселки Серседилья и Гвадаррама – последние перед линией фронта. Здесь разбито три четверти зданий. Почти сплошные пепелища и развалины. Вот от этого сгоревшего дома уцелела буквально только одна каменная калитка, и на ней на одном гвозде висит закопченная табличка «Застраховано от огня». Валяются телеграфные столбы, провода, пустые гильзы и стаканы из-под снарядов.

В этом сложном нагромождении скал, ущелий, леса вот уже скоро месяц идет напряженная, сосредоточенная борьба. Ни разу здесь не было затишья. Фашисты загипнотизированы близостью столицы. Всего пятьдесят километров, да и того меньше. Стоит только прорваться вниз, в котловину, – и уже можно схватить за горло Мадрид, правительство, республику. Республиканцы понимают это. Они понимают, чего может стоить ничтожный промах, зевок.

Орудий с обеих сторон не так много. Но горная акустика разносит канонаду стократным эхом по ущельям, создает фантастический, поистине адский грохот.

Каждый день с раннего утра до поздней ночи маленькие группы людей крадутся по склонам, ползут по каменным откосам, стараясь обойти, отрезать, подкараулить друг друга, захватить еще одну скалу, еще один пригорок, держать под огнем еще одну ложбинку.

Здесь все знают Долорес, издали приветствуют ее, угощают хлебом, вином из солдатских фляжек, уговаривают задержаться, посидеть, не идти дальше. На Сиерре каждый солдат горячо говорит, что знаком с Долорес лично.

Сегодня здесь особенное оживление. Республиканские колонны пробуют развить вчерашний успех группы полковника Мангала и сбросить мятежников с ближайшего рубежа. Противник отвечает ожесточенным орудийным и пулеметным огнем – пули и шрапнель повизгивают каждые несколько минут. Солдаты убеждают Долорес ползти – она отмахивается и перебегает, как все, в

рост, чуть пригнув голову.

– Чем я хуже вас! Ладно, в другой раз приеду с зонтиком, тогда на меня ничего не будет капать.

Она входит в каждый разрушенный домик, беседует с каждым солдатом и офицером, подолгу расспрашивает пленных, выуживает из них мелкие и вместе с тем ценные подробности о положении мятежников. Она скандалит с поварами по поводу качества обедов. Узнав, что в колонне уже второй день нет овощей, она соединяется по полевому телефону с какими-то организациями, раздобывает грузовик дынь и томатов.

В небольшой вилле расположился штаб гвадаррамского сектора. Сейчас фашисты взяли под пулеметный обстрел этот дом и садик. Командир участка, полковник Асенсио, красивый мужчина несколько оперного типа, запрещает выходить, пока не стихнет обстрел. Варят кофе. Долорес беседует с Касаресом Кирога, худым, остролицым человеком в моно и сандалиях. Он был главой правительства в момент мятежа, обнаружил растерянность и бездеятельность, ушел в отставку при всеобщем недовольстве и сейчас старается замолить свои грехи на фронте.

Нам надоело ждать. Долорес хочет пробраться вперед, туда, где залегло сторожевое охранение. Все мнутся и отговаривают. Долорес напоминает, что у ребят там, спереди, уже четверо суток никто не был, кроме осликов с продовольствием. Майор Ристори, жизнерадостный толстяк, хромой и почему-то в полной парадной форме, вызывается сопровождать нас.

Мы идем, перебегаем, коротышка Ристори ковыляет с палкой, обливается семью потами. После километра дороги и двухсот метров тропинки надо просто ползти по раскаленному солнцем камню, в колючем шиповнике. Долорес трогательно, по-женски шарахается, когда пуля позванивает о камень; Ристори в огорчении смотрит на нее.

Под обломком скалы устроили взвод. Отсюда он прорыл себе открытый ход сообщения к блиндажу. Блиндаж устроен из мелкого камня и мешков с песком. В начале и в конце хода солдаты сделали шуточные надписи: «Метро Мадрид – Сарагоса».

Солдаты и командиры в восторге от прихода Долорес.

– Как ты сюда пробралась?! Ведь сюда и мужчины ходят только ночью! Вот так женщина, недаром тебя прозвали Неистовой!

Подползли к блиндажу. Отсюда ясно видны блиндажи мятежников – каких-нибудь двести шагов.

Весь взвод набился в это крохотное гнездо. Бойцы облепляют Долорес со всех сторон, обгорелые от солнца, обросшие, частью перевязанные. Тормошат ее, окликают сразу со всех сторон:

– Долорес, выпей из моей кружки!

– Нет, из моей!

– Долорес, возьми письмо для моей матери!

– Долорес, посмотри мои раны – они почти зажили за четыре дня…

– Долорес, я тебе дарю на память мой шарф. Смотри, не брось его!

– Долорес, попробуй мой пулемет, что за дивная машина!

Долорес пьет из кружки, она берет письма, она щупает раны, она надевает солдатский шарф и смотрится в зеркальце, она прижимается своей черной с проседью головой к пулемету и выпускает очередь. Фашисты отвечают густым, яростным огнем. Им давно уже не понравились возня и оживление в блиндаже.

– Вот видишь, Долорес, мы тебя вовлекли в невыгодное дело.

– Наоборот, это я накликала на вас эти пули.

Тесно сгрудившись, солдаты слушают отрывистые слова Долорес:

– Ведь я, как и вы, простая испанка, не из благородных. Я была судомойкой при шахте. И муж мой – рабочий-горняк… Но мы все, простые люди, рабочие, будем драться до конца за свободную, счастливую народную Испанию, против генеральской и иезуитской фашистской клики… Вы храбрые ребята, я знаю, но одной храбрости мало. Надо ясно сознавать, против кого борешься, в кого стреляешь… Мы стреляем в наше проклятое прошлое – в Испанию Бурбонов и Примо де Ривера, которая пробует вернуться и задушить нас. Пусть враг не просит у нас милости… Мы – авангард мировой борьбы против фашизма, от нашей победы зависит очень многое. Нас поддерживает демократия всего мира… Русские рабочие поддерживают нас. Они уже прислали нам деньги, пришлют и другое, что нам нужно будет… Вот со мной русский товарищ, он прилетел к нам на авионе… Но надеяться мы должны прежде всего на себя, на свое оружие, на свою храбрость… Никто никогда не мог до конца победить народ, который борется за свою свободу. Можно превратить Испанию в кучу развалин, но нельзя превратить испанцев в рабов… Вы говорите, у вас мало снарядов, – а чем боролись русские рабочие и крестьяне против своих фашистов и иностранных завоевателей? Они захватывали патроны и снаряды у противника… Придет время – и наше дело победит. Знамя демократической республики будет реять над всей Гвадаррамой, над минаретами Кордовы, над башнями Севильи.

Она делает паузу, лукаво прихорашивается и предлагает:

– Если хотите оказать большую честь, назовите вашу роту моим именем.

Бойцы согласны.

– Конечно… Если ты не боишься, что мы тебя осрамим.

Мятежники все стреляют по окопу, а Долорес рассказывает, какие успехи делает испанская женщина, участвуя в войне, помогая мужчинам в тылу. Она совсем загорается, перейдя на любимую тему – о женщине, семье и ребенке в Советском Союзе.

– Долорес, а у тебя дети есть?

– Конечно. Можете мне позавидовать. У меня дочка в Иванове – это такой советский текстильный город, вроде нашего Сабаделя. А сын в Москве, на

заводе имени Сталина. Ему только шестнадцать лет, а рост у него один метр восемьдесят сантиметров. Вы только подумайте: скоро он появится и скажет: «Ну-ка, дай, я возьму тебя на руки, моя маленькая мамаша!»

Все долго смеются. А Долорес осматривает взвод с заботой и нежностью.

Бойцы подают Долорес букет. Это цветы не из магазина. Они собраны на склонах скал, под фашистским огнем.

В темноте мы добираемся до штаба, уже не втроем, а в заботливом сопровождении. За Серседильей, у группы домов, вдруг выстрел, нечеловеческие, душераздирающие крики и возня. Остановили машину, я пошел посмотреть. Оказывается, парень, держа руку на дуле винтовки, задремал и прострелил себе ладонь. Кое-как перевязали, взяли к нам – довезти до эскуриальского госпиталя. Здоровенный парень заливается на все голоса, Долорес терпеливо успокаивает его:

– Ну, дурак, чего ты орешь? Ведь ты жив. Ведь это не так больно, ты просто очень перепугался, потому что со сна. Я сама всегда пугаюсь со сна. Меня если даже булавкой уколоть со сна, я подумаю, что меня уже зарезали. Это понятно. Может быть, ты хочешь курить? Сейчас тебе дадут курить.

Да, он просит курить, курить и реветь в одно время неудобно. Нет, он не хочет курить. Отчего так долго нет госпиталя? Долорес утешает:

– Сейчас будет госпиталь. Мы едем медленно, без огней, чтобы не обстреляли машину. Куда торопиться! Тебе перевяжут руку, и ты заснешь, как ангел.

И, сдав раненого, отрывисто приказывает шоферу:

– Скорее в Мадрид, в Центральный комитет! Мы опаздываем на заседание. Дай свет, не можем же мы так ползти без конца!

22 августа

В большом доме на улице Серрано помещался Национальный совет католической партии Хиля Роблеса. Дом совершенно не тронут, стулья в зале стоят под чехлами, на площадке мраморной лестницы дежурит человек с ружьем. В кабинете, за столом Роблеса, согнувшись над бумагами и газетами, у вентилятора, сидит Хосе Диас. Длинное, смуглое, задумчивое его лицо кажется гораздо старше от усталости и болезни. Днем он работает один, с секретарем, принимает делегатов из провинций, с фронтов, с предприятий. Время от времени с музыкой, с барабанами к дому подходят демонстрации – колонны, уходящие на фронт, они требуют показать им Пепе (Хосе). Он выходит на балкон, трогательно скромный, и вдруг улыбается молодой, задорной, всепобеждающей улыбкой, от которой у всех становится уверенно и радостно на душе.

К вечеру, часам к семи, съезжаются из разных мест члены политбюро. Все сидят в кабинете у Пепе, обмениваются новостями за день, вместе читают вечерние газеты, обсуждают и решают вопросы. В соседней комнате они вместе ужинают, всегда приглашая к столу приезжих или кого-нибудь из командиров. Затем работают дальше, до глубокой ночи, и насильно посылают друг друга в салон Хиля Роблеса. Там, среди мягкой мебели, поставлены четыре узкие солдатские койки для короткого сна.

Руководство испанской партии молодо, как она сама, недавно ставшая массовой пролетарской партией. Оно сложилось на ходу, в борьбе с фашизмом, в борьбе с троцкистской кликой, одно время задававшей здесь тон, в борьбе с носителями анархистской распущенности и сектантскими иллюзиями. Новое политбюро – это все пролетарии, обстрелянные революционеры, популярные в рабочей массе, отличные пропагандисты и ораторы. В этой горсти людей представлены разные характеры и темпераменты, разные индивидуальности, разные народные областные типы Испании.

Висенте Урибе – баск, небольшого роста, рабочий-каменщик; он хорошо начитан, много занимался вопросами теории пролетарской революции, испанской экономики, особенно аграрной проблемой; в общении краток, молчалив, суховат. При этом он вдумчивый организатор, решительный и твердый человек, хороший товарищ. Ко мне он сразу проявил большое деловое внимание, потратил время, чтобы связать меня с людьми, с организациями, с предприятиями, собирает оправки, данные, цифры. Сейчас он прикомандирован для связи к военному министерству.

Педро Чэка, тонкий, очень худой, очень бледный – второй секретарь Центрального комитета, его непрерывно действующий организационный винт. В роблесовском доме у него маленькая комнатенка рядом с машинистками и счетоводами. Через эту комнатку круглые сутки проходит все: связь с мадридскими и областными организациями, военные дела, ремонт автомобилей, мандаты и удостоверения, расправа с провокаторами, печатание листовок, прием и исключение членов партии, созыв собраний и митингов. Вечно переутомленный и всегда неутомимый, тихим голосом, чуть-чуть улыбаясь, он распоряжается и командует всю ночь напролет.

Антонио Михе, веселый, круглолицый андалусец, приходит всегда с маленьким портфелем, всегда с опозданием, так что всякое заседание, где участвует Михе, начинается со всеобщего недовольства его отсутствием. Но, придя и сразу умилостивив собрание важными и интересными новостями, он завладевает всеобщим вниманием, докладывает обо всем подробно и толково. Партия использует его по профсоюзным, хозяйственным вопросам; он неизменный ее представитель во всех переговорах, контактных комитетах, военно-промышленных совещаниях.

Присутствие Долорес вносит особую ноту в среду партийного руководства. Оно придает мужской, суровой, иногда подчеркнуто деловой атмосфере политбюро тепло, жизнерадостность, юмор или страстный гнев, ожесточение, особую непримиримость к компромиссам. Она приходит празднично приподнятая, с веселой, лукавой улыбкой, прибранная, нарядная, несмотря на простоту своего всегда черного платья, садится, кладет руки на стол и, слегка наклонив большую красивую голову, молча прислушивается к разговору. Либо смертельно усталая, чем-нибудь огорченная, подавленная, с серым, каменным, постаревшим лицом, она тяжело опускается на стул у двери, в углу, и тоже молчит. А потом вдруг вторгается в чужую речь, и тогда бесполезно прерывать, пока не выльется целая длинная, единым духом, тирада, либо веселая, смешная, остроумная, торжествующая, либо мрачная, гневная, почти причитающая, полная скорбных упреков, обвинений, протестов и угроз – против очередного явного или скрытого врага, бюрократа, саботажника, сорвавшего доставку оружия или пропитание милиционеров, обидевшего рабочих, интригующего против партии или внутри нее.

У Хосе среди членов политбюро, как и во всей партии, какой-то необыкновенно естественный, органический авторитет, подчеркиваемый его столь же необыкновенной скромностью. Во время заседаний, даже очень оживленных, он

говорит очень мало, словно даже избегает выступать, кроме тех случаев, когда правильное решение не может быть принято без его вмешательства.

Наивно принимать его скромность и доброту за безобидность, – в разгаре самого мирного разговора он вдруг роняет скупую характеристику кого-нибудь, короткую и убийственную, как удар шпаги. От его даже вежливо высказанного укора люди бледнеют, теряются, уходят более подавленные, чем если бы это была долгая крикливая, ругательная сцена, какие приняты в Испании даже в деловой обстановке.

Всем хочется сделать приятное Пепе Диасу не для того, чтобы заслужить его благодарность, а просто чтобы порадовать его, увидеть его улыбку или хотя бы довольное покачивание головой…

Иногда, во время беседы или в разгар заседания, на него находит страшная усталость, или это приступ его болезни. Тогда он делает странные вещи, выходит из кабинета, прогуливается один по коридорам, заходит в канцелярию, в пустой архив, разглядывает связанные пачки газет, окурки на полу, спускается по лестнице во двор, смотрит, как чистят картошку, выходит в ворота, к подъезду, и стоит с четверть часа среди шоферов и машин. Товарищи делают вид, что не замечают, занимаются своим делом. Преодолев боль, он возвращается в кабинет и присоединяется к разговору.

Сейчас в Мадриде ведется следствие по делу группы террористов «Испанской фаланги»; среди них на руководящих ролях несколько предателей, исключенных из Социалистической и Коммунистической партий. Они убили офицеров-антифашистов – лейтенанта Кастильо, капитана Фарадо – и готовили убийства Асаньи, Ларго Кабальеро, Альвареса дель Вайо, Долорес и Эрнандеса. Спасая свои шкуры, обвиняемые указывают как на заслуги прошлого на свое пребывание в партии. Центральный комитет обратился к прокуратуре и суду с заявлением, что для троцкистов, бывших членов Компартии, он считает желательным не смягчение, а отягчение наказания.

Неутихающие волны, глубокие судороги колышут и сотрясают столицу. Каждые два-три часа что-нибудь случается – на улице, у ворот фабрики, даже в больницах: время от времени туда являются вооруженные группы людей и требуют допустить их к больным. Атмосфера накалена, ее стараются использовать для терроризма и провокаций заинтересованные в этом элементы и агенты.

После полудня город охвачен опять страшным волнением. Говорят, что горит «Карсель Моделоз» (мадридская Образцовая тюрьма), что заключенные фашисты вырвались на волю и ведут бой с населением. Все повалило в сторону тюрьмы; уличное движение расстроилось; люди с винтовками останавливают автомобили, автобусы, даже трамваи и приказывают водителям направляться к тюрьме.

В Центральный комитет добрался товарищ из охраны тюрьмы. Он рассказывает: в «Карсель Моделоз» накопилось около двух тысяч заключенных фашистов. Во второй половине дня главари организовали коллективный поджог матрацев. У заключенных не было больших шансов на побег. Они больше имели в виду другое – пожаром взбудоражить легко возбуждаемую мадридскую массу, создать уличное столкновение, показать стране и загранице, что правительство не хозяин в столице. Это удалось, но только наполовину. Густой дым из окон тюрьмы собрал вокруг многотысячную разъяренную толпу. Она хочет ворваться вовнутрь и уничтожить всех заключенных поголовно. Стража не справляется, Надо что-то сейчас же сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kol-cov_mihail/ispanskiy-dnevnik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить